

**ИНДИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РОЛИ
М. К. ГАНДИ В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ
ДВИЖЕНИИ**

Мохандас Карамчанд Ганди — выдающийся деятель национально-освободительного движения, возглавлявший антиимпериалистическую борьбу народов Индии с 1919 по 1947 г. Его политическая деятельность в качестве лидера Индийского национального конгресса (ИНК) и характерные особенности личности стали предметом пристального внимания ученых различных направлений и стран. «Гандиана» — литература о Ганди насчитывает тысячи названий. Индийский историк Я. С. Шарма посвятил ей объемистый библиографический указатель [21].

Советские индологи внесли значительный вклад в исследование гандизма. Уже в 20—30-е годы предпринимались первые попытки анализа гандистского учения и его роли в освободительной борьбе [7]. В послевоенный период вышли статьи и фундаментальные труды, посвященные различным аспектам общественно-политической деятельности Ганди и его мировоззрения [3—6]. В них раскрывается роль Ганди в антиколониальном движении, исследуются его мировоззрение и деятельность, ставится вопрос об идеологическом содержании и классовых корнях гандизма и т. д. Вместе с тем следует отметить, что в советской востоковедческой науке не нашла еще достаточного освещения история изучения гандизма в СССР и за рубежом.

В данной статье рассматриваются наиболее характерные сочинения индийских буржуазных авторов, освещающих деятельность Ганди на фоне освободительного движения страны в новейшую эпоху.

Первые такие работы появились в Индии еще в колониальный период. Они были написаны современниками Ганди, многие из которых участвовали в освободительной борьбе. В этих сочинениях характеризуются различные стороны общественно-политической деятельности Ганди, его личные качества, дается оценка Ганди как руководителя антианглийских выступлений народных масс. В индийской буржуазной литературе тех лет Ганди серьезно критиковали. «Гандистское ненасилие не считалось образцовым методом решения социальных противоречий. Деятельность и мировоззрение Ганди рассматривались в связи с политическими и социальными условиями, в связи с конкретными целями и интересами класса, шедшего на смену английским колонизаторам» [6, с. 12].

Следует выделить в этой связи сочинения Дж. Неру, написанные в колониальный период [1; 2]. В годы борьбы за независимость Неру лидер левого крыла ИНК подверг критике теорию и практику гандизма, выступив против абсолютизации

ненасилия, чрезмерного увлечения религией, консерватизма Ганди в области социальных отношений. Неру считал абсурдными планы возрождения кустарной промышленности, возвращения Индии к прялке и давно отжившим национальным традициям. Он осудил разработанную Ганди теорию опеки, согласно которой капиталисты и помещики должны заботиться о рабочих и крестьянах. Неру критиковал Ганди также за то, что тот терпимо относился к капиталистическому строю, основанному на насилии и принуждении, порождавшему нищету и опустошение, к различного рода пережиткам в индийском общественном строе, препятствовавшим прогрессу страны. Его недовольство вызывали отступления Ганди в кульминационные моменты освободительного движения, частые компромиссы с английскими колонизаторами, стремление решать единолично, не советуясь с другими руководителями ИНК, важнейшие проблемы, возникавшие в ходе антиимпериалистической борьбы [1, с. 526—583].

В то же время Неру отмечал большие заслуги Ганди перед национально-освободительным движением, антиимпериалистическую направленность его учения и деятельности, связь с народом, огромный авторитет, популярность и влияние среди руководства ИНК, рядовых членов Конгресса и простых людей. Он восхищался мужеством и самоотверженностью Ганди, его преданностью делу национального освобождения Индии [1, с. 530].

В годы борьбы за независимость появились первые работы индийских профессиональных историков, в которых исследовались воззрения и политика Ганди. Следует выделить монографию М. А. Бача, посвященную истории развития индийской политической мысли в XIX—XX вв. [9]. В этой работе много места уделено анализу общественно-политической деятельности и мировоззрения Ганди, его воздействия на антиколониальное движение [9, с. 1—246].

М. А. Бач подчеркнул значительность вклада Ганди в антиимпериалистическое движение на всех этапах, его влияние на общественную жизнь Индии тех лет [9, с. 1]. Примечательно, что Ганди рассматривается этим ученым как надклассовый, общечеловеческий мыслитель. Вопрос о классовой сущности гандизма М. А. Бач не ставит, игнорируя тот факт, что важнейшие положения гандистского учения отвечали на определенном этапе потребностям индийской буржуазии, которая пыталась использовать их в своих классовых интересах. Зато гипертрофируется религиозная сторона деятельности Ганди, настойчиво подчеркивается, что он был в первую очередь религиозным деятелем, а затем уже политиком, стремившимся через политику реализовать свои религиозно-этические концепции [9, с. 74].

М. А. Бач дает высокую оценку учению и политическим методам Ганди. Величайшей заслугой Ганди считает разработку тактики сатьяграхи, умение не только поднять против коло-

ниализма самые широкие слои народа, но и организовать их на борьбу на основе ненасильственного сопротивления [9, с. 136]. Гандистское несотрудничество расценивается как альтернатива «кровавой революции» [9, с. 142]. Неудачи Ганди в осуществлении своих идеалов М. А. Бач объясняет тем, что его цели и методы вступили в противоречие с «жестокой реальностью» тогдашней Индии; общество в то время не было готово следовать по пути ненасилия, не смогло отказаться от старых ценностей, признавало в основном только «аргумент силы» [9, с. 244—246].

В независимой Индии вышло огромное количество произведений, в той или иной степени затрагивающих политическую деятельность и мировоззрение Ганди. Это жизнеописания Ганди, сочинения, в которых анализируется его деятельность в качестве лидера освободительного движения, исследования по истории освободительной борьбы. К ним примыкают работы, освещающие историю ИНК и других организаций, участвовавших в антиимпериалистическом движении.

В трудах индийских буржуазных авторов основное внимание уделяется религиозной и культурной деятельности Ганди, которая рассматривается в отрыве от политики, от национально-освободительного движения. Анализ мировоззрения, политических взглядов Ганди ведется большинством буржуазных исследователей с внеисторических позиций. Теория гандизма представляется не как возникшая из национально-освободительного движения, а как плод сугубо индивидуальных и отвлеченных религиозно-этических исканий Ганди. Поэтому закономерно отсутствие постановки вопроса о классовой сущности гандизма. Определение классовой сущности подменяется характеристикой Ганди как надклассового, общечеловеческого мыслителя. При этом отрицается какая бы то ни было связь Ганди и гандизма с интересами индийской национальной буржуазии [6, с. 15—17].

Среди работ биографического характера выделяется восьмитомная биография Ганди, написанная одним из его ближайших последователей Д. Г. Тендулкар [23]. Биограф дает подробное описание жизни и деятельности Ганди, освещает общественно-политические взгляды лидера антиколониального движения. Автор показывает острую идейно-политическую борьбу среди борцов за независимость, отношение Ганди к различным течениям индийского национализма. Характеризуя вклад Ганди в антиимпериалистическое движение, Д. Г. Тендулкар, подобно М. А. Бачу и многим другим буржуазным авторам, преимущественное внимание уделил религиозной стороне гандизма. Политическая деятельность Ганди подается как производная от религиозной. Это приводит к искаженному толкованию некоторых важнейших событий истории борьбы за свободу и роли в них Ганди. Имеются в виду гандистское движение несотрудничества 1919—1922 гг., кампании гражданского непо-

виновения начала 30-х годов под руководством Ганди, внутриполитическая борьба в ИНК во второй половине 30-х годов, движение под лозунгом «Вон из Индии» в годы второй мировой войны и т. д.

В работе о Ганди, написанной его секретарем Н. Пьярелом, преувеличивается роль гандистского ненасилия в антиимпериалистической борьбе, характеристика воззрений лидера ИНК в ряде случаев страдает односторонностью [19]. Другой буржуазный автор С. Хусейн в небольшом исследовании о Ганди и Неру неверно освещает позиции Ганди по ряду важнейших вопросов [13]. «Хусейн не желает замечать противоположность между воззрениями Неру, черпавшего вдохновение в успехах современной цивилизации, и Ганди, враждебного техническому прогрессу» [6, с. 25]. Отступление от историзма и объективной оценки фактов при характеристике мировоззрения и деятельности Ганди встречается в сочинениях Р. Мурти [17], Б. Р. Нанды [18], Р. Чалапати [10] и ряда других буржуазных авторов.

В индийских исследованиях по истории освободительного движения и организаций, возглавлявших антианглийскую борьбу масс, меньше внимания уделяется анализу гандистской идеологии, и больше — практической деятельности Ганди по руководству антиимпериалистическими выступлениями. В отличие от биографических работ, авторы которых, как правило, грешат чрезмерной идеализацией Ганди, в сочинениях по истории освободительной борьбы можно встретить даже критику его воззрений и деятельности, стремление анализировать факты с точки зрения политической целесообразности, в основном соблюдая принцип историзма. Эти исследования отличает и более высокий исследовательский уровень, наличие научного аппарата.

Примером может служить работа С. Ч. Бартарья [8]. Анализируя различные периоды освободительной борьбы, ученый указывает на их неразрывную связь и особо выделяет последний — гандистский этап, когда руководство движением «переходит к Ганди и Неру» [8, с. 37—38]. Величайшей заслугой этих деятелей было, по мнению С. Ч. Бартарья, то, что они придали движению массовый характер и возглавили борьбу народа за независимость. В отличие от тилакистов, которые считали, что цель оправдывает средства, у гандистов «цель и средства находились в неразрывной связи», — пишет автор [8, с. 46]. По его словам, Ганди «пробудил национальное сознание миллионов людей», разорвал рабские путы в их умах и породил «чувство сопротивления против общего угнетателя» [8, с. 63]. С его появлением, считает С. Ч. Бартарья, национально-освободительное движение потеряло свою буржуазную направленность, превратившись во всенародное, поскольку стремление уничтожить колониальный гнет охватило все слои населения, независимо от классовой принадлежности [8, с. 63—64]. К фак-

торам, обусловившим значение Ганди для индийского и мирового освободительного движения, С. Ч. Бартарья относит разработку им принципа ненасилия, а также то, что он не ограничивался лишь борьбой за ликвидацию английского господства, но ставил задачи возрождения страны [8, с. 64—65].

В небольшом исследовании Н. Л. Чаттерджи рассматриваются роль Ганди в Конгрессе, его отношение к крестьянству, которое принимало активное участие в борьбе с колонизаторами [11]. Автор приходит к выводу, что появление Ганди «знаменовало собой превращение Конгресса из организации исключительно средних слоев в демократическое массовое движение за достижение свараджа» [11, с. 49]. Особое воздействие Ганди оказывал на крестьянство, так как в нем крестьяне «видели нового мессию, своего долгожданного защитника и освободителя» [11, с. 49]. Ганди, подчеркивает автор, постоянно стремился к улучшению положения крестьянства [11, с. 130]; разработанная им «программа кхаддара была спасением для бедных крестьян» [11, с. 105]. Последнее утверждение автора является явным преувеличением. Много места в книге отводится характеристике гандистского ненасилия, которое, по мнению Н. Л. Чаттерджи, стало «величайшим вкладом в сокровищницу человечества» [11, с. 103]. Что же касается оценки классовой сущности деятельности Ганди, то здесь исследователь ограничивается высказываниями о его благородстве, гуманизме, любви ко всем людям, святости и т. п. [11, с. 101—102].

В. П. С. Рагхуванши в исследовании по истории индийского националистического движения и мысли [20] касается ряда аспектов гандистской теории и практики, при этом непомерно высоко оценивает роль Ганди, выделив его среди других выдающихся деятелей мира и сравнив с Христом и Мухаммедом [20, с. 305, 317]. Он называет Ганди «символом пробуждения Азии», «апостолом правды и ненасилия» [20, с. 302]. В гандизме автора привлекает то, что он «не только вознес политику на высокий моральный пьедестал, но и объединил классы и массы на основе общей платформы» [20, с. 9]; конструктивная программа, которая «приближала Конгресс к массам» и стала его социально-экономической программой и программой возрождения Индии [20, с. 172, 306]; отрицание насилия и материализма, проповедь ненасилия [20, с. 305]; и, наконец, то, что Ганди дал освободительному движению «философию классовой гармонии» [20, с. 317].

Несмотря на эти «привлекательные» для В. П. С. Рагхуванши качества, Ганди, по словам автора, далеко не всегда удавалось добиться одобрения своих решений и действий Конгрессом, поскольку члены Конгресса будто бы не улавливали истинных мотивов его поступков, «не могли оценить величие идеалов Гандиджи, одухотворенности его политики и тайну побуждений» [20, с. 214]. Этим, по мнению автора, была обусловлена

острая идейно-политическая борьба в ИНК, резкое осуждение со стороны значительной части членов Конгресса Бардолийской резолюции, Делийского пакта и некоторых других решений Ганди и его ближайшего окружения. Совершенно очевидно, что В. П. С. Рагхуванши не увидел истинных причин борьбы течений в Конгрессе и национально-освободительном движении.

Критическое отношение к гандизму прослеживается в трудах известного буржуазного историка Р. Ч. Маджумдара. В своем трехтомнике по истории освободительного движения, отличающемся от других буржуазных работ серьезным научным аппаратом, он анализирует политическую деятельность Ганди, руководствуясь не нравственно-религиозными, абстрактными критериями, а конкретно-историческим подходом [15]. Оценивая Ганди как руководителя ИНК и антиколониального движения, Р. Ч. Маджумдар высказался против гиперболизации его заслуг, чрезмерной идеализации, преувеличения значения гандистского ненасилия и принижения вклада негандистских течений в завоевание независимости; подверг критике многие важнейшие стороны взглядов Ганди и методы политической деятельности. По его мнению, успех или неудача движения, возглавляемого Конгрессом, всецело зависели от руководящих действий Ганди, а тот не всегда принимал верные решения [15, с. 162]. Поэтому причины поражения народных масс в 1918—1922 гг., в начале 30-х годов и в годы второй мировой войны Р. Ч. Маджумдар свел почти исключительно к ошибочной тактике Ганди [15, с. 155—163, 376—384, 472—487, 597—614, 633—647]. В то же время автор игнорирует вопрос о классовой сущности гандизма и социальных противоречиях в индийском обществе в 20—40-е годы, принижает роль народных масс в борьбе с колонизаторами и значение социальных требований представителей низов города и деревни в ИНК, изображает в невыгодном свете участие мусульман в антианглийском движении.

Серьезной критике подвергается деятельность Ганди по руководству антимпериалистической борьбой в работе С. Синхи [22]. Анализируя гандистский этап освободительного движения, автор, в ряде случаев несколько отступая от истины, утверждает, что Ганди не удалось добиться осуществления ни одной из поставленных целей, поскольку его методы политической деятельности отличались консерватизмом, были малоэффективными [22, с. 54—56]. Кроме консерватизма методов, его неудачи, по мнению С. Синхи, обусловливались также эклектичностью воззрений, отсутствием четкого, продуманного плана действий, двойственностью и колебаниями при принятии решений, загадочностью поступков даже для ближайшего окружения, стремлением самолично решать все вопросы, не советуясь с другими лидерами ИНК и переоценивая собственные возможности, наив-

ностью в политике, пренебрежением некоторыми важными проблемами, стоявшими в те годы перед страной [22, с. 57—63].

Автор выдвигает ряд веских обвинений в адрес Ганди. В книге указывается, что Ганди превратил Конгресс в орудие для претворения в жизнь своих идеалов, ограничил его деятельность Гуджаратом и Соединенными провинциями, тем самым содействуя обострению внутрипартийной борьбы. Как считает С. Синха, Ганди ответствен за раздел Индии, так как не сумел добиться индуССко-мусульманского единства; огромный вред стране, подчеркивается в работе, нанесло смещение религии с политики, а также слепая приверженность Ганди доктрине ненасилия [22, с. 93—102, 116—120, 123—124]. Резко осудил С. Синха и его поведение в решающие периоды освободительной борьбы, особенно во время второй конференции Круглого стола (1931 г.), которая стала, по мнению ученого, «позорной капитуляцией», «национальным позором» [22, с. 102—103].

Отмечая верность некоторых положений, выдвинутых автором, нельзя не обратить внимание на отсутствие анализа всех аспектов теории и практики гандизма, односторонность, упрощения и отдельные преувеличения при оценке исторической роли Ганди, непонимание классовой природы гандистской идеологии, ее противоречивого характера, причин огромного влияния Ганди среди широких слоев народа.

Эти недостатки во многом присущи также работам С. Гхосе [12], В. Д. Махаджана [14], С. Р. Мехротры [16] и некоторых других современных индийских буржуазных исследователей. К тому же их авторы, как правило, исходят из идеалистических представлений об исторической роли Ганди, дают аполитичную, одностороннюю оценку его деятельности. Так, С. Р. Мехротра, придавая неоправданно большое значение духовным моментам в деятельности Ганди, утверждает, что без него освободительное движение «лишилось бы своей романтичности, драматизма, морального величия и духовного энтузиазма» [16, с. 157]. С. Гхосе, тоже увлекшийся духовной стороной гандистской практики, величайшей заслугой Ганди считает вознесение национально-освободительной борьбы к религиозным высотам [12, с. 47—48]. Подобные оценки, конечно же, не способствуют выяснению истинной роли Ганди в борьбе народов Индии с английскими империалистами.

В Индии накоплена обширная литература о гандизме. Однако большинство работ написаны с буржуазно-методологических позиций. Их авторы, основываясь на идеалистических концепциях, изучают гандизм не как целостное, многогранное и во многом противоречивое явление, применяют односторонний упрощенческий подход, ограничиваясь в основном нравственно-религиозными оценками. Буржуазные ученые подчеркивают антиимпериалистический характер учения и деятельности Ганди. Но при этом игнорируется классовая природа этого учения,

искажается ряд аспектов деятельности выдающегося борца против колониализма, не всегда учитывается и зачастую неверно трактуется весь комплекс причин огромного влияния Ганди в народных массах, принижается роль масс в борьбе за свободу, приуменьшается, а иногда и вовсе игнорируется вклад негандистских течений в достижение независимости. Эти проблемы ставятся и решаются в трудах индийских исследователей-марксистов, оказывающих все большее воздействие на развитие национальной историографии освободительного движения.

Список литературы: 1. *Неру Дж.* Автобиография. Пер. с англ. М., 1955. 656 с. 2. *Неру Дж.* Открытие Индии. Пер. с англ. М., 1955. 650 с. 3. *Дьяков А. М., Рейснер И. М.* Роль Ганди в национально-освободительной борьбе народов Индии.— Сов. востоковедение, 1956, № 5, с. 21—34. 4. *Жуков Е.* Об исторической роли Махатмы Ганди.— Нов. время, 1956, № 6, с. 15—17. 5. *Комаров Э. Н., Литман А. Д.* Мировоззрение Мохандаса Карамчанда Ганди. М., 1969. 235 с. 6. *Мартышин О. В.* Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди. М., 1970. 300 с. 7. *Рославлев У.* Гандизм. М.; Л. 1931. 112 с. 8. *Bartarya S. C.* The Indian nationalist movement. Allahabad, 1958. 409 p. 9. *Buch M. A.* The Development of Contemporary Indian Political Thought: In 3 vs. Baroda, 1938—1940. V. 2. 246 p. 10. *Chalapathi R.* Gandhi and Nehru. Bombay, 1967. 152 p. 11. *Chatterji N. L.* India's freedom struggle. Allahabad, 1958. 166 p. 12. *Ghose S.* Indian National Congress. Its History and Heritage. New Delhi, 1975. 390 p. 13. *Husain S.* The Way of Gandhi and Nehru. London, 1959. 184 p. 14. *Mahajan V. D.* The nationalist movement in India. New Delhi, 1976. 428 p. 15. *Majumdar R. C.* History of the freedom movement in India: In 3 vs. Calcutta, 1963. V. 3. 902 p. 16. *Mehrotra S. R.* Towards India's freedom and partition. New Delhi, 1979. 322 p. 17. *Murthy R.* Non-violence in politics. A study of Gandhian techniques and Thinking. Delhi, 1958. 246 p. 18. *Nanda B. R.* Mahatma Gandhi. A biography. London, 1959. 542 p. 19. *Pyarelal N.* Mahatma Gandhi. The last phase. Ahmedabad, 1956. V. 1. 750 p. 20. *Raghuvanshi V. P. S.* Indian Nationalist Movement and Thought. Agra, 1959. 335 p. 21. *Sharma J. S.* Mahatma Gandhi. A descriptive bibliography. Delhi, 1955. 565 p. 22. *Sinha S.* Indian independence in perspective. London, 1964. 311 p. 23. *Tendulkar D. G.* Mahatma. The life of Mohandas Karamchand Gandhi, in 8 vs. Bombay, 1951—1954.

Поступила в редколлегию 25.09.83.

В. Ф. ПАХОМОВ, канд. ист. наук

ПОБЕДА НАРОДНОГО ЕДИНСТВА В ЧИЛИ (1970 г.)

Развитие революционного процесса в Латинской Америке в последние десятилетия носит сложный и противоречивый характер. Оно ясно свидетельствует о том, что левые силы этого континента должны учитывать различные пути завоевания власти. Важные выводы и обобщения по данному вопросу сделаны на последних съездах КПСС, Компартии Кубы, а также на Совещании компартий Латинской Америки в Гаване (1975 г.) Революционная борьба латиноамериканских народов находит все более возрастающую поддержку советского народа и всего прогрессивного человечества. «КПСС,— говорится в От-

четном докладе ЦК КПСС XXVI съезду, — и впредь будет последовательно проводить курс на развитие сотрудничества СССР с освободившимися странами, на упрочение союза мирового социализма и национально-освободительного движения» [1, с. 15].

В современной борьбе рабочего класса и его союзников за власть сохраняет свое политическое и практическое значение опыт деятельности Народного фронта в Чили. Еще в 30-х годах Компартия Чили, выполняя решения VII конгресса Коминтерна, добилась объединения левых сил в Народном фронте. На президентских выборах 1938 г. кандидат Народного фронта радикал П. Агирре Серда одержал победу и в течение трех лет возглавлял новое правительство. В 40-х годах в Чили успешно действовал Демократический альянс, а 50—60-х годах — Фронт народного действия (ФРАП). Опыт прошлых лет был творчески использован в новых условиях конца 60 — начала 70-х годов. В 1969 г. в Чили под руководством коммунистической и социалистической партий было создано Народное единство, которое добилось убедительной победы на очередных президентских выборах 1970 г. На протяжении трех лет, в 1970—1973 гг., в стране снова действовало народное правительство во главе с Сальвадором Альенде, который еще в 1939—1941 гг. входил в правительство Народного фронта в качестве министра здравоохранения.

Не подлежит сомнению, что в Чили накоплен значительный опыт завоевания власти Народным фронтом разными путями и в различных условиях, который в определенной степени обогащает стратегию и тактику мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения. «Чилийский опыт выборов... — говорится в Декларации Совещания компартий в Гаване, — показывает, что демократические формы могут быть использованы рабочим классом и народом» [3, с. 46]. Исследование истории Народного единства в Чили в 1969—1973 гг. имеет, таким образом, большое научное и политическое значение.

В советской историографии нет пока специального исследования, посвященного истории создания и деятельности Народного единства, хотя она уже нашла определенное отражение в научной, научно-популярной и политической литературе. Сделано это в основном в рамках анализа различных аспектов Чилийской революции [10—16].

В настоящей статье ставится задача более полного и глубокого рассмотрения вопроса о победе Народного единства на президентских выборах 1970 г.

Накануне прихода к власти Народного единства Чили переживала глубокий социально-экономический кризис. Средние темпы роста валового национального продукта в 1965—1970 гг. составляли всего 3,8% против 5,6% по Латинской Америке в целом. В 1970 г. его прирост составил всего лишь 2,5% [20,

с. 268]. Чили имела самую большую в мире внешнюю задолженность, которая к моменту прихода к власти нового правительства достигла поистине астрономической суммы — 2,819 млн. дол. [15, с. 119]. Промышленная структура страны была деформирована деятельностью иностранного капитала. Иностранным компаниям, прежде всего американским, принадлежало 18% всего промышленного капитала, причем 94% этого капитала были вложены в добывающую промышленность. Продукция государственного сектора составила в 1969 г. лишь 14,1% [19, с. 23—24]. Средний уровень безработицы в 1970 г. достигал 8,3% от всего трудоспособного населения страны [6, с. 216]. Цены на потребительские товары возросли на 35%, что явилось самым высоким среднегодовым ростом начиная с 1964 г. [8, с. 116]. За десятилетие (1960—1970 гг.) инфляция достигла 1000% [18, с. 7]. Ежегодно в стране насчитывалось не менее 200 тыс. безработных [17, с. 275].

Потерпела крах реформистская программа демохристиан «революции в условиях свободы». Придя к власти в 1964 г., Христианско-демократическая партия (ХДП) попыталась осуществить ряд социально-экономических преобразований, в частности провести аграрную реформу и так называемый план «цилизации» меди. Однако реализация этих мероприятий натолкнулась на серьезные трудности и была приостановлена. Провал экономической политики правительства ХДП наглядно показал, что реформизм не способен вывести страну из кризиса. В этих условиях в основных партиях центра — ХДП и радикальной — развернулась острая политическая борьба между правыми и левыми силами. В радикальной партии эта борьба началась после президентских выборов 1964 г. Правые стремились к союзу с национальной партией, а левые заявляли о необходимости единства с Фронтом народного действия. Генеральный секретарь ЦК Компартии Чили (КПЧ) Луис Корвалан справедливо отмечал, что будущее радикальной партии «зависит от того, сумеет ли она добиться взаимопонимания с ФРАП» [4, с. 57]. Первые контакты радикалов в ФРАП наметились в 1967 г., когда они поддержали кандидатуру Сальвадора Альенде на выборах нового председателя сената. На XXIII съезде радикальной партии левые силы одержали победу и взяли курс на сближение с ФРАП. В ХДП борьба велась между сторонниками политики правительства и левым крылом, выступившим за решительные демократические преобразования. Третья группировка внутри ХДП занимала центристскую позицию, блокируясь то с правым, то с левым. После длительной внутриполитической борьбы левое крыло вышло из партии и в мае 1969 г. создало «Движение единого народного действия» (МАПУ). Таким образом, к 1969 г. в основных партиях центра произошла переориентация политического курса. Началось сближение радикалов и левых демохристиан с ФРАП.

В обстановке экономического и политического кризиса в стране начался новый подъем рабочего и демократического движения. В 1965 г. в стране произошло 723 забастовки рабочих, а в 1966 г. уже 1703 [16, с. 37]. В борьбу против империализма и отсталости, за глубокую перестройку общества включилось чилийское крестьянство. Если в 1960 г. состоялось лишь три забастовки сельхозрабочих, то в 1964 г. их число возросло до 39, в 1967 г.— до 693, в 1970 г.— до 1580 [7, с. 98]. К концу 60-х годов в Чили сложилась революционная ситуация. Подъем рабочего и крестьянского движения явился главной предпосылкой создания широкого фронта всех революционных демократических сил. «Дилемма,— говорилось в Манифесте Компартии Чили к чилийскому народу (1968 г.),— поставлена ребром: либо мы объединимся, чтобы изменить положение, либо реакционеры используют раздробленность наших сил, чтобы продолжать править нами» [19, 1968, 24 дек.]. XIV съезд Компартии Чили, состоявшийся в ноябре 1969 г., глубоко проанализировал сложившуюся обстановку в стране и пришел к выводу о необходимости осуществления «антиимпериалистической, антимонополистической и аграрной революции с перспективой перехода к социализму» [2, с. 105]. В качестве первоочередной задачи выдвигалось создание единого революционного блока левых сил с целью формирования нового народного правительства.

Основой для решения поставленной задачи послужил опыт совместного участия коммунистов и социалистов во ФРАП. Организационно Народное единство начало оформляться в последние месяцы 1969 г. 7 декабря 1969 г. Коммунистическая и Социалистическая партии Чили направили радикалам, социал-демократам, МАПУ и АПИ (Независимое народное действие) предложения «по организации сильного и широкого фронта социального освобождения» и «выработки совместной программы, определения одинаковой позиции в отношении народного правительства и изучения возможностей выдвижения единого кандидата в президенты» [24, 1969, 8 окт.]. 17 декабря 1969 г. Координационный комитет одобрил Основную программу правительства Народного единства [21]. Это явилось важнейшим шагом на пути укрепления коалиции левых сил.

26 декабря 1969 г. в результате переговоров между руководителями партий и движений левых сил был подписан Пакт Народного единства. Цель подписания этого политического документа была продиктована, как говорилось во вступительной части Пакта, «новой концепцией руководства страной, которое будет осуществлять народное правительство, когда мы добьемся его создания» [15, с. 205]. В Пакте излагались принципы управления страной при правительстве Народного единства и предусматривалось создание Политического комитета, который должен был координировать действия президента республики, а также представителей партий и движений, входящих в пра-

вительство. Вскоре Координационный комитет Народного единства принял еще один документ: «Соглашение о проведении и стиле предвыборной кампании». В нем говорилось о намерении блока левых сил вести избирательную кампанию на основе главных положений его программы. «В период избирательной кампании,— подчеркивалось в документе,— следует расширить идеологическое и практическое выступление против правительства христианских демократов, против империалистов и правых сил» [9, с. 169—170]. В декабре 1969 г. руководители Народного единства подписали также дополнительное соглашение к Пакту. В нем оговаривалось, что единый кандидат блока левых сил будет придерживаться Основной программы Народного единства, а также выразит готовность от себя лично и от имени своей партии назначить министров согласно следующим нормам пропорциональности: трех министров-радикалов, трех социалистов, трех коммунистов, двух от МАПУ, двух от других группировок и одного — от каких-либо сил [9, с. 170].

После подписания необходимых документов и соглашений блоку Народного единства предстояло решить вопрос о едином кандидате на пост президента страны. Партии, входившие в блок левых сил, настаивали, чтобы единым кандидатом был именно их представитель. К началу 1970 г. от Народного единства было выдвинуто пять кандидатов, в том числе от КПЧ — Пабло Неруда [22, 1970, 7 янв.]. Естественно, что в таких условиях надеяться на победу кандидата левых сил было невозможно. Коммунистическая партия заявила, что в интересах Народного единства она готова поддержать любого общего кандидата левого блока. 18 января 1970 г. Политкомиссия КПЧ опубликовала заявление, в котором сообщила о решении снять кандидатуру Пабло Неруды во имя создания подлинно народного фронта и обеспечения выдвижения единого кандидата [22, 1970, 18 янв.]. В дальнейшем с такой же целью сняли свои кандидатуры Альберто Бальтра (радикальная партия), Жак Чончоль (МАПУ) и Рафаэль Таруд (АПИ). В результате этого единственным кандидатом левых сил остался лидер социалистической партии Сальвадор Альенде. 22 января на митинге в Сантьяго Сальвадор Альенде был объявлен единственным кандидатом на выборах от блока Народного единства [18, с. 31]. Для проведения предвыборной кампании в пользу Сальвадора Альенде была создана Национальная комиссия, а на местах организовано 14800 комитетов Народного единства [16, с. 63].

Избирательная кампания, несмотря на свою непродолжительность (семь месяцев), характеризовалась ожесточенной классовой борьбой и была чрезвычайно напряженной. В противовес кандидату Народного единства правые силы во главе с Национальной партией выдвинули кандидатуру бывшего президента Х. Алессандри, а ХДП — лидера ее центристской группировки Р. Томича. Платформа лидера Национальной партии

являлась крайне реакционной. Хорхе Алессандри выступал против национализации медных рудников и проведения аграрной реформы, за ограничение роли конгресса. Программа кандидата ХДП под названием «Политическая декларация и программные документы» включала проведение аграрной, индустриальной и финансовой реформ, предоставление избирательного права гражданам, достигшим 18 лет, и предусматривала построение «социалистического» государства [11, с. 159]. Характерной чертой этой программы была ярко выраженная неопределенность. Демагогически заявляя о проведении политических и экономических реформ, Р. Томич не объяснял, как же практически будут осуществляться преобразования.

Возможность победы на президентских выборах кандидата левых сил серьезно обеспокоила реакционные и империалистические круги внутри страны и за рубежом. Ими предпринимались попытки организации военного переворота и создания в стране диктатуры фашистского толка. 25 марта 1970 г. следственные службы Чили раскрыли заговор, в котором участвовали отставные военные, гражданские лица и ряд кадровых офицеров. Как оказалось, заговорщики планировали похитить президента и нескольких членов правительства, а во главе государства поставить П. Гамбоа [23, 1970, 27 марта]. Они рассчитывали на помощь армии, однако среди военных имелись силы, которые выступали в защиту конституции и политики правительства. Таким военным деятелем являлся, в частности, командующий армией генерал Рене Шнейдер.

29 марта 1970 г. Национальная партия выпустила обращение под названием «Свобода или коммунизм», в котором призвала не допустить прихода к власти правительства Народного единства [24, 1970, 30 марта]. В начале апреля в стране появилась созданная реакцией террористическая группа «Грако», которая активно включилась в кампанию травли и террора левых сил и активистов Народного единства [11, с. 159]. В этот же период активизировались ультраправые организации типа «Левое революционное движение» (МИР). МИР и другие левачьи группировки в ходе избирательной кампании нападали на вооруженные силы, угоняли самолеты, организовывали террористические акты и тем самым способствовали нагнетанию в стране обстановки напряженности и нестабильности. Как отмечал Генеральный секретарь КПЧ Л. Корвалан, «эти группы действуют вне масс, прибегают к террору, методу, который отвечает целям реакционеров» [5, с. 234].

Против происков внутренней и внешней реакции активно выступили трудящиеся массы Чили. 8 июля 1970 г. по призыву Единого профсоюзного центра (КУТ) в стране прошла 24-часовая общенациональная забастовка трудящихся. В ней приняли участие 700 тыс. чел., входящих в 41 профсоюзную федерацию. Вскоре была проведена первая в истории Чили всеобщая

крестьянская забастовка, в которой участвовало 200 тыс. крестьян [16, с. 63].

Предвыборная кампания достигла своего апогея к началу сентября 1970 г. и закончилась митингами, организованными сторонниками трех кандидатов. Свой последний предвыборный митинг С. Альенде провел вечером 1 сентября 1970 г. Этот митинг вылился в грандиозную манифестацию в поддержку кандидата блока левых сил. 4 сентября 1970 г. состоялись выборы 34-го президента страны. В голосовании приняли участие 3 млн. 539 тыс. 747 чилийцев обоего пола в возрасте 21 года и старше. Голоса избирателей распределились следующим образом: С. Альенде — 1070334 (36,6%), Х. Алессандри — 1031159 (35,3%), Р. Томич — 821801 (28,1%) [23, 1970, 5 сент.].

Победа кандидата Народного единства была с энтузиазмом встречена народными массами страны. 5 сентября 1970 г. в Сантьяго состоялся многотысячный митинг сторонников С. Альенде. Выступая на нем, С. Альенде сказал: «Чили открывает путь, по которому смогут пойти другие народы Латинской Америки и мира. Жизненная сила единства сметет диктатуры и откроет путь к освобождению народов, к строительству такой жизни, которую они выберут для себя» [6, с. 24].

Характеризуя значение выборов, Генеральный секретарь Компартии Чили Луис Корвалан указал: «...Победа народа Чили, победа Сальвадора Альенде на чилийских президентских выборах является важнейшим событием в Латинской Америке после Кубинской революции за последнюю четверть века» [19, 1970, 10 сент.]. С приходом к власти нового правительства, которое вскоре сформировал С. Альенде, для Чили открывался реальный путь к социализму. Но этот путь был насильственно прерван государственным переворотом в 1973 г., установившим в стране военно-фашистскую диктатуру Пиночета.

Победа Народного единства в 1970 г. стала закономерным результатом последовательной борьбы КПЧ и рабочего класса Чили за создание и укрепление единого фронта всех демократических сил страны. Движение Народного единства по своему размаху и силе, революционной направленности значительно превзошло все предшествовавшие коалиции левых сил: Народный Фронт, Демократический альянс и Фронт народного действия. Качественно новая черта Народного единства состояла в том, что оно возникло в результате массового народного движения при руководящей роли в нем политических партий рабочего класса — коммунистической и социалистической. Союз этих партий послужил надежной основой единства левых сил в новых условиях борьбы конца 60 — начала 70-х годов.

Прошло уже более десяти лет с тех пор, как Пиночет захватил власть и объявил «внутреннюю войну» чилийскому народу. Однако для военно-фашистского режима наступают трудные дни. «Мы, коммунисты, считаем, — заявил Л. Корвалан, — что

в стране создались условия для развития антифашистской борьбы на более высоком уровне с целью приблизить конец тирании» [19, 1983, 11 сент.].

Победа и приход к власти Народного единства в 1970 г. убедительно доказывают, что основным условием и залогом дальнейших успехов чилийского народа в борьбе является единство рабочего класса, всех демократических, антиимпериалистических и антиолигархических сил.

Список литературы: 1. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1982. 223 с. 2. XIV съезд Коммунистической партии Чили.—Латинская Америка. Институт Латинской Америки Академии наук СССР, 1969, № 6, с. 105—115. 3. Латинская Америка в борьбе против империализма за национальную независимость, демократию, народное благосостояние, мир и социализм: Декларация Совещания компартий Латинской Америки и Карибского бассейна, состоявшегося в Гаване с 10 по 13 июня 1975 года. М., 1975. 63 с. 4. Корвалан Л. Союз революционных антиимпериалистических сил в Латинской Америке.—Проблемы мира и социализма, 1967, № 7, с. 52—59. 5. Корвалан Л. Путь победы. М., 1971. 339 с. 6. Альенде Сальвадор. История принадлежит нам. М., 1974. 382 с. 7. Марин Г. Рабочий класс и его политика союзов.—В кн.: 1000 дней революции. Прага, 1978, с. 92—99. 8. Бурстин Э. Чили при Альенде: взгляд очевидца. М., 1979. 376 с. 9. Годдарт Э. Чили, раскаленное до красна, 1973. 273 с. 10. Горнов М. Ф., Ткаченко В. Г. Латинская Америка: опыт народных коалиций и классовая борьба. М., 1981. 280 с. 11. Королев Ю. Н. Чили: проблемы единства демократических и антиимпериалистических сил. М., 1973. 197 с. 12. Королев Ю. Н. Чили: революция и контрреволюция. М., 1976. 176 с. 13. Королев Ю. Н. Чилийская революция: Проблемы и дискуссии. М., 1982. 239 с. 14. Кудачкин М. Ф. Борьба Компартии Чили за единство демократических, антиимпериалистических сил (1946—1970 гг.). М., 1971. 240 с. 15. Кудачкин М. Ф. Чили: борьба за единство и победу левых сил. М., 1973. 215 с. 16. Кудачкин М. Ф., Борисов А. В., Ткаченко В. Г. Чилийская революция: опыт и значение. М., 1977. 206 с. 17. Страны Латинской Америки. Политико-экономический справочник. М., 1969. 302 с. 18. Чернышев В. П. Заговор «мумий». М., 1974. 325 с. 19. Правда, 1968—1970, 1983. 20. Международный ежегодник. Политика и экономика. Выпуск 1972 г. М., 1973. 279 с. 21. El Programa básico de Gobierno de la Unidad Popular. Santiago de Chile, 1970. 19 p. 22. El Siglo. 23. La Nación. 24. El Mercurio.

Поступила в редколлегию 10.10.83.

Ю. А. ГОЛУБКИН, канд. ист. наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РАННЕБУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ГЕРМАНИИ

Основы марксистской концепции Реформации и Крестьянской войны в Германии как «буржуазной революции № 1» были разработаны Ф. Энгельсом. Но вопрос о периодизации этой революции им специально не рассматривался. Не разрабатывался он и в советской историографии. И лишь исследователи из ГДР выделили в истории раннебуржуазной революции в Германии ряд периодов и дали их подробную характеристику.

В настоящей статье делается попытка, с одной стороны, дать информацию о применяемой историками из ГДР периоди-

зации раннебуржуазной революции в Германии, а с другой — внести некоторые уточнения, касающиеся хронологических рамок этой революции.

Вопрос о периодизации истории раннебуржуазной революции в Германии был впервые поставлен известным исследователем М. Штейнмецем в январе 1960 г. [9; 10]. Хронологические рамки раннебуржуазной революции в Германии М. Штейнмец определил так: 1476—1535 гг.

Первый период (1476—1517 гг.) — подъем классовой борьбы: от восстания крестьян под руководством Ганса Бегайма из Никласхаузена до начала лютеровской Реформации.

Второй период (1517—1525/26 гг.) — Реформация и Крестьянская война как основа и кульминация раннебуржуазной революции: от выступления Лютера с «95 тезисами» до поражения большинства крестьянских отрядов.

Третий период (1525/26—1535 гг.) — спад классовой борьбы: от разгрома последних крестьянских отрядов до подавления Мюнстерской коммуны [9, с. 7—8].

В дальнейшем, при подготовке обобщающей монографии по проблеме раннебуржуазной революции в Германии, М. Штейнмец и его коллеги внесли уточнения в первоначальный вариант периодизации. В этой работе [11] хронологические рамки раннебуржуазной революции уже ограничивались 1517—1526 гг. В истории революции выделялось три периода:

1517—1521 гг. — период национального антиримского движения;

1521—1524 гг. — период раскола национального антиримского движения в ходе борьбы за его продолжение и превращение в социальную революцию, направленную против феодальной системы в Германии;

1524—1526 гг. — период Великой крестьянской войны.

Предшествовавший революции хронологический отрезок с 1476 по 1517 гг. рассматривался в этой работе как период назревания общенационального кризиса в Германии; послереволюционное время с 1526 по 1535 гг. — как период спада классовой борьбы.

В первом томе «Истории Германии» [5] эта периодизация не претерпела никаких изменений.

Авторы последней работы общего характера — «Иллюстрированной истории раннебуржуазной революции в Германии» [7], сохранив неизменной датировку периодов, внесли некоторые коррективы в их общие определения. Период 1476—1517 гг. назывался периодом назревания раннебуржуазной революции в Германии; первый период революции характеризовался как период антиримского движения, второй — как период реформационного движения, третий — как период Крестьянской войны, кульминация раннебуржуазной революции. Кроме того, в рассматриваемой работе исчезло определение 1526—1535 гг.

как периода спада классовой борьбы. Этот хронологический отрезок рассматривался под рубрикой «Результаты и влияние раннебуржуазной революции в Германии».

Такая периодизация вызвала возражения со стороны Э. Энгельберга и Г. Брендлера. Они считают, что Крестьянская война была не завершающим этапом революции, а лишь ее «критической фазой». Раннебуржуазная же революция, по их мнению, продолжалась вплоть до победы кальвинистской Реформации в Женеве (1535 г.) или даже до начала Нидерландской буржуазной революции (1566 г.) [6, с. 31]. Но точка зрения Э. Энгельберга и Г. Брендлера не была поддержана большинством историков. В историографии ГДР утвердилась та периодизация раннебуржуазной революции, которая нашла отражение в упоминавшихся трудах общего характера.

Главная идея, положенная в основу этой периодизации, а именно — рассмотрение Реформации и Крестьянской войны как последовательных этапов единого процесса раннебуржуазной революции в Германии — не подлежит сомнению. Но правомерно ли события 1517—1521 гг., со времени выступления Лютера с «95 тезисами» до Вормского рейхстага, считать начальным периодом раннебуржуазной революции? Для ответа на этот вопрос проследим основные события рассматриваемого периода.

Выступление Лютера с «95 тезисами» 31 октября 1517 г. можно, как представляется, считать началом Реформации лишь с некоторыми оговорками. Ведь Реформация, в современном понимании этого термина, — «широкое, сложное по социальному составу участников, социально-политическое и идеологическое движение, принявшее форму борьбы против католической церкви и носившее в своей основе антифеодальный характер» [3, с. 23]. Но общественного движения — социально-политического или идеологического — в 1517—1518 гг. в Германии не возникло. На диспут по поводу тезисов никто не явился. Два издания лютеровских тезисов на латинском языке появились в ноябре 1517 г. в Лейпциге, а в декабре они были изданы в Нюрнберге на немецком языке. Однако особого резонанса эти публикации в Германии не вызвали. Не ощущая действительной поддержки, Лютер, по сути, в одиночку вел полемику в среде теологов. На основополагающие устои католицизма Лютер еще не покушался. Он подчеркивал, что побудительным мотивом его выступлений является забота о чистоте христианской веры и об устранении отдельных злоупотреблений в церковной практике. Не случайно некоторые современники расценивали полемику по поводу индульгенций как заурядную грызню монахов. Позиция Лютера в 1517—1518 гг. еще мало чем отличалась от позиции идеологов так называемого «соборного движения», которые признавали Реформацию только «через церковь, в церкви и с церковью». Поэтому, на наш взгляд, по отношению

к выступлениям Лютера 1517 — начала 1519 гг. термин «Реформация» применим лишь в том смысле, в каком он употреблялся в XV—XVI вв., т. е. как синоним любого преобразования, исправления, улучшения. Понятие же «социальная революция» к действиям отдельной, даже выдающейся личности, вообще неприменимо.

Поворот в позиции Лютера наметился летом 1519 г. Убедившись в тщетности надежд на решение поставленных им вопросов в церковных кругах, Лютер на Лейпцигском диспуте (26 июня — 16 июля 1519 г.) подверг сомнению авторитет папы и вселенских христианских соборов и заявил о своей солидарности с рядом положений учения Яна Гуса. Это выступление Лютера получило отклик у многих гуманистов. В 1519—1520 гг. Германию наводнили многочисленные листовки и плакаты, авторы которых заявляли о своей солидарности с делом Лютера.

В изменившейся ситуации Лютер заклеил папу как антихриста; 10 декабря 1520 г. сжег папскую буллу, угрожавшую ему отлучением от церкви, и в программных произведениях 1520 г. («О добрых делах», «О папстве Рима», «Послание к христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианства», «О вавилонском пленении церкви», «О свободе христианина»), исходя из своего учения об оправдании верой, подверг всесторонней уничтожающей критике злоупотребления папского Рима и показал полную несостоятельность догматики, культа и институтов католической церкви.

Разрыв Лютера с папским Римом и католической церковью знаменовал собой начало революционного переворота в сфере идеологии, в мировоззрении людей переходной от феодализма к капитализму эпохи, которым был показан путь эмансипации от оков внешней религиозности. Не случайно К. Маркс, характеризуя учение и деятельность Лютера, подчеркивал, что «революция началась тогда в мозгу монаха» [1, т. 1, с. 422]. Ф. Энгельс называл сожжение папской буллы Лютером революционным актом и сравнивал его с выдающимся открытием Коперника, которое также представляло собой вызов церковному авторитету, но уже в «вопросах природы» [1, т. 20, с. 347].

Наряду с ниспровержением основ католической церкви Лютер в произведениях 1520 г. наметил контуры новой, независимой от Рима, национальной церковной организации. Основной ячейкой этой организации, по мысли Лютера, должна была стать община верующих, основанная на демократическом принципе всеобщего священства. Лютер провозглашал, что «сапожник, кузнец, крестьянин, каждый имеет свое занятие и ремесло, и вместе с тем все они в равной степени посвящены в священников и епископов» [8, с. 341].

Программа Лютера также свидетельствует о том, что он был опытным стратегом, понимавшим необходимость объединения

разрозненных группировок антиримской оппозиции. Платформой общих требований в политически раздробленной Германии, страдавшей от папского ига, мог, по его мнению, быть лишь пункт о разрыве с папским Римом. Главным средством для реализации этой программы, по мысли Лютера, должно было стать обсуждение и решение поставленных им вопросов на созванном по инициативе императора и дворянства при поддержке всех слоев немецкого общества национальном церковном соборе или рейхстаге. Лютер подчеркивал, что содействовать осуществлению преобразований должны народ и светская власть [8, с. 341].

Программу, выдвинутую Лютером в 1520 г., можно уже безо всяких оговорок назвать программой Реформации, ставившей своей целью упразднение папской церкви и замену ее новой религиозной организацией, которая соответствовала бы потребностям зарождавшегося буржуазного общества.

В работах по истории Реформации развивается мысль о том, что лютеровская программа Реформации стала общей идеологией национального движения, которое возникло после Лейпцигского диспута и объединило в своих рядах все классы и условия немецкого общества [11, с. 97—98; 4, с. 119—120]. Для обоснования этого положения в литературе приводятся такие факты, как издание в Германии большими тиражами произведений Лютера, а также многочисленных листовок, авторы которых выражали солидарность с лютеровским учением, увеличение числа студентов в Виттенбергском университете, донесения папских легатов и нунциев о популярности лютеровских идей и т. д.

Достоверность этих фактов несомненна. Но они, на наш взгляд, подтверждают лишь то, что Реформация в Германии в 1519—1520 гг. была не социальным, а идейно-теоретическим движением. Ведь со времени выступления Лютера в 1517 г. и до окончания Вормского рейхстага (май 1521 г.) в Германии не было ни одного открытого выступления в городах, а крестьянские волнения начались только в середине 1524 г. Методы ранней немецкой Реформации — это диспут, проповедь, публицистическая деятельность. Вполне естественно, крестьяне, плебеи, да и значительная часть бюргерства не могли быть активными участниками идейно-теоретической борьбы. Правда, идеи Реформации начинают усваиваться бюргерством уже в 1519—1520 гг. Широкая же пропаганда реформационных идей в среде крестьян развернулась лишь после Вормского рейхстага, когда в качестве бродячих народных проповедников выступили монахи, покидавшие монастыри, а также студенты и преподаватели университетов, которые под влиянием нигилистических отзывов Карлштадта о схоластической системе образования отреагировали от академической карьеры и стремились найти себе применение в сфере производства.

Итак, активными участниками ранней немецкой Реформации, являвшейся идейно-теоретическим движением, были представители образованных слоев общества. Кроме того, реформационное движение с самого начала не было единым. Конечно, деструктивная часть лютеровской программы — требование покончить с засильем папского Рима в Германии — отражала чаяния самых широких кругов немецкого общества и разделялась ими. Но коренные цели Реформации представители разных социальных групп понимали по-разному.

Главная роль в Реформации вплоть до Великой крестьянской войны принадлежала бюргерству, которое добивалось не только ликвидации римского влияния в Германии, но и создания национальной «дешевой» церкви, соответствовавшей потребностям зарождавшегося буржуазного общества. Наряду с этим лютеровская идея равенства христиан перед богом была для сословно неполноправной зарождавшейся буржуазии XVI в. столь же привлекательной, как идея гражданского равенства для буржуазии XVIII в.

Плебс зачастую поддерживал бюргерство. Но самостоятельной роли в реформационном движении он не играл.

Рыцарство и князья, примкнувшие к Реформации, надеялись использовать ее в своих интересах и стремились, главным образом, к секуляризации церковных имуществ и к ослаблению центральной власти. Дворянству был совершенно чужд лютеровский проект создания демократических христианских общин. Отвергался он и большей частью духовенства, так как в случае его реализации священники лишились бы средств к существованию.

Но решающее значение для дальнейшей судьбы общественного движения в Германии первой четверти XVI в. имело то обстоятельство, что крестьянство, составлявшее около 75% населения страны, до середины 1524 г. занимало по отношению к Реформации нейтрально-выжидательную позицию. Правда, в литературе для подтверждения тезиса о массовом характере реформационного движения 1517—1521 гг. приводятся свидетельства многочисленных листовок, персонажи которых — крестьяне — заявляют о своей солидарности с делом Лютера. Но при этом как-то забывается, что Карстганс — это идеализированный образ, порожденный стремлением анонимного автора привлечь крестьянство на сторону Реформации. В действительности же, в то время как выдуманный, «книжный» Карстганс одерживал верх в ученом споре над высокозрудированным противником Реформации Томасом Мурнером, настоящий, земной Карстганс обрабатывал землю. И сменить мотыгу на оружие он мог лишь в том случае, если бы ему показали пути избавления не только от ига папской церкви, но и от угнетения со стороны его феодального владыки. А с такой программой к нему до 1524 г. не обращался никто.

Несходство коренных интересов разных классов и сословий немецкого общества явилось серьезной преградой для единства их действий. И эти особые групповые интересы, которые препятствовали единству политических сил, заинтересованных в ликвидации засилья папского Рима и католической церкви в Германии, так и не были преодолены.

Отсутствие действенной поддержки лютеровской Реформации наглядно продемонстрировал Вормский рейхстаг, на котором вопрос о Реформации рассматривался с политической точки зрения. Император, светские и духовные князья, которым принадлежала главная роль в принятии решений рейхстага, проявили полную неспособность решить общенациональные задачи. Император, который для осуществления своих честолюбивых внешнеполитических планов нуждался в поддержке папы, не мог не отвергнуть идею проведения Реформации. По вполне понятным причинам она встретила отпор и со стороны духовных князей. Светские же князья стремились использовать «дело Лютера» как средство давления на папу и императора с целью усиления своей собственной власти и закрепления политической раздробленности Германии. Открытых выступлений демократических слоев общества в защиту Лютера и Реформации во время заседаний рейхстага не было. Результатом всего этого явилось принятие Вормского эдикта, направленного на искоренение Реформации.

Таким образом, и полемику Лютера 1517 — начала 1519 гг. с теологами — приверженцами папского Рима, и идейно-теоретическую борьбу середины 1519—1520 гг., и политическую борьбу начала 1521 г. вряд ли можно рассматривать как раннебуржуазную революцию. Конечно же, теория — незаменимый компас для борьбы масс, но решающую роль в преобразовании мира играет лишь сама эта борьба. В. И. Ленин характеризовал революцию как «такой период народной жизни, когда веками накопившаяся злоба... прорывается наружу в *действиях*, а не словах, и в действиях *миллионных народных масс*, а не отдельных лиц» [2, с. 321].

Поэтому, на наш взгляд, события 1517 — начала 1521 гг. следует характеризовать не как первый период раннебуржуазной революции, а как завершающий этап созревания революционной ситуации в Германии. Начальной же вехой первого периода раннебуржуазной революции в Германии следует считать окончание Вормского рейхстага. Ведь Вормский эдикт развеял иллюзии широких общественных слоев о возможности преодоления противоречий германской действительности «сверху». Ответом на решения рейхстага явилось массовое реформационное движение в городах Средней и Юго-Западной Германии, направленное на освобождение страны от ига папской церкви, создание новой религиозной организации, которая соответствовала бы потребностям зарождавшегося буржуазного

общества, преодоление целого ряда феодальных пережитков в социально-политической жизни страны. Для периода 1521—1524 гг. характерно также растущее недовольство немецкого села, проявившееся затем со всей силой в Великой крестьянской войне.

При рассмотрении же в целом истории революционного движения в Германии последней трети XV — первой четверти XVI вв. в нем, на наш взгляд, можно выделить следующие периоды: *созревание революционной ситуации*: 1476—1521 гг. (от восстания крестьян под руководством Ганса Бегайма из Никласхаузена до окончания Вормского рейхстага); *первый период раннебуржуазной революции*: реформационное движение 1521—1524 гг. (от окончания Вормского рейхстага до восстания крестьян в ландграфстве Штюллинген); *второй период раннебуржуазной революции*: Великая крестьянская война 1524—1526 гг. (от восстания крестьян в ландграфстве Штюллинген до поражения последних крестьянских отрядов).

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12. 3. Самохина Н. Н., Чистозвонов А. А. Реформация. — СИЭ, т. 12. М., 1969, стб. 23—30. 4. Смирин М. М. Лютер и общественное движение в Германии в эпоху Реформации. — Вопросы научного атеизма. — М., 1968, с. 109—137. 5. *Deutsche Geschichte*. Bd. I. Von den Anfängen bis 1789. 2-te unveränderte Auflage. Berlin, 1967. 775 S. 6. Hoyer S. Die deutsche frühbürgerliche Revolution 1517—1525/26. — In: Revolutionen der Neuzeit (1500—1917). Berlin, 1982, S. 19—32. 7. Laube A., Steinmetz M., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. Berlin, 1974. 416 S. 8. Luther M. An den christlichen Adel deutscher Nation von des christlichen Standes Besserung. E. A., Bd. 21. S. 274—360. 9. Steinmetz M. Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland (1476—1535). Thesen. — In: Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland. Berlin, 1961, S. 7—17. 10. Steinmetz M. Probleme der frühbürgerlichen Revolution in Deutschland in der ersten Hälfte des 16. Jahrhunderts. — In: Die frühbürgerliche Revolution in Deutschland. Berlin, 1961, S. 18—42. 11. Steinmetz M. Deutschland von 1476 bis 1648. Berlin, 1965. 428 S.

Поступила в редакцию 17.11.83.

А. А. ГАВРЮШЕНКО

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф. МЕЛАНХТОНА В 1520—1521 гг.

Большое значение для понимания сущности идейно-политической борьбы в Германии в первой четверти XVI в. имеет изучение общественно-политических взглядов гуманистов и реформаторов, среди которых видное место принадлежит ближайшему соратнику Лютера Филиппу Меланхтону (1497—1560). Буржуазные исследователи создали о нем обширную литературу, но лишь немногие работы посвящены общественно-политическим взглядам Меланхтона [3; 5; 11; 12]. К тому же эта тема рассматривается буржуазными авторами, главным образом, с профессиональных позиций.

Общую объективную характеристику взглядов и деятельности Меланхтона дали историки-марксисты. В то же время многие важные вопросы нуждаются в дальнейшем изучении на основе конкретного анализа наследия гуманиста. В настоящей статье рассматриваются общественно-политические взгляды Меланхтона в 1520—1521 гг., т. е. на рубеже первого и второго периодов раннебуржуазной революции в Германии. В качестве источников использованы сочинения и переписка Меланхтона, а также полемическая литература эпохи Реформации.

После Лейпцигского диспута 1519 г. Реформация начинает превращаться из предмета внутрицерковных разногласий в объект публичной дискуссии, где наряду с религиозными обсуждались насущные вопросы социально-политической жизни страны. Для Меланхтона поводом высказаться на волнующие всех темы послужило издание в Риме, Лейпциге и Кельне произведения ревностного сторонника папского Рима доминиканца Радини, который обвинял Лютера в выступлении против духовных и светских властей, в призывах к упразднению всего церковного устройства, в отрицании схоластической философии и вероучения католицизма [13]. Полемическое произведение Меланхтона, опровергающее эти обвинения, было написано в ноябре 1520 г., а опубликовано в феврале 1521 г., когда на Вормском рейхстаге оживленно обсуждался вопрос об отношении к Реформации.

Меланхтон начинает с утверждения, что «Лютер никогда не помышлял расстроить мир церкви, разрушить христианское единство, посеять мятеж в империи» [8, с. 291]. Те же, кто борется с Лютером, проницательно замечает гуманист, «ищут не покоя для церкви, но только спокойного исполнения своей тиранической власти» [8, с. 292]. Вслед за Лоренцо Валлой, рядом других гуманистов и Лютером Меланхтон считает, что провозглашенный церковью примат папы не имеет божественного происхождения. «Верховная власть папы не доказывается ни одним положением Христа,— подчеркивает Меланхтон.— История учит, что эта власть, о которой в древней церкви ничего не знали, развилась позднее благодаря внешним обстоятельствам и многократно оспаривалась [8, с. 327]. На конкретных примерах из истории гуманист показывает, что, начиная с Карла Великого, империя и императоры находились под властью пап [8, с. 339], а Европа стонала от глупой тирании [8, с. 326]. Порывы к свободе оставались безрезультатными [8, с. 340]. Меланхтон с сожалением констатирует, что из европейских народов от папского ига освободились только греки [8, с. 347].

Считая Лютера продолжателем борьбы европейских князей с папством, Меланхтон призывал поддержать реформатора в общеевропейском масштабе. Реформу церкви Меланхтон рассматривал как предпосылку обретения Европой утраченного духовного единства. *Res publica christiana*, на протяжении

300 лет страдающая под бременем папских установлений [8, с. 347], по твердому убеждению Меланхтона, должна быть возрождена [8, с. 331]. Характерно, что начало этого возрождения гуманист связывал с реформой университетов, которые в результате засилья схоластов превратились в «синагоги сатаны» [8, с. 324].

Пытаясь склонить немецких князей на сторону Реформации, Меланхтон использует те же доводы, что и Лютер в обращении «К христианскому дворянству немецкой нации». Разделяя лютеровское учение о всеобщем священстве, Меланхтон подчеркивает, что каждый верующий имеет право судить о предмете веры. Но поскольку князья несут ответственность за мир и благополучие своих подданных, а «римский антихрист» действует вопреки Евангелию и древним обычаям, власти, по мнению Меланхтона, не только вправе, но и обязаны поддержать намечаемые реформаторами преобразования [8, с. 289].

Не давая четкого ответа на вопрос, какими же методами должны действовать князья — сторонники Реформации, Меланхтон, тем не менее, с одобрением отзывался о позиции курфюрста Фридриха Саксонского, выступавшего за мирное осуществление Реформации [8, с. 299]. О том, что Меланхтон в этот период отдавал предпочтение мирным средствам борьбы с папским Римом, косвенным образом свидетельствует и его отрицание войн вообще. Еще в «Риторике» 1519 г. он выступал с осуждением призывов папской курии к войне с турками [6, с. 326]. В рассматриваемом произведении 1520 г. Меланхтон вновь отвергает идею войны против турок и осуждает римскую курию, бывшую в прошлом инициатором крестовых походов, а в настоящем — поощряющую междоусобные войны для того, чтобы ослабить княжескую власть и усилить свое влияние в европейских странах [8, с. 355].

Таким образом, защищая дело Лютера, Меланхтон основное внимание уделял не теологической обоснованности лютеровских идей, а связи реформационного движения с важнейшими политическими проблемами Германии.

Публицистическая деятельность Меланхтона и других немецких гуманистов способствовала широкому распространению реформационных идей во всех слоях немецкого общества. Это до предела обострило отношения между папским Римом и сторонниками Лютера. 10 декабря 1520 г. в Виттенберге, в присутствии большого числа горожан и студентов университета Лютер сжег папскую буллу, которая угрожала предать его анафеме. В ответ на этот дерзкий акт 3 января 1521 г. папской буллой «*Decet Romanum pontificem*» Лютер был отлучен от церкви.

Наступление сил феодально-католической реакции нашло отражение в целой серии светских и церковных документов, важнейшим из которых стал Вормский эдикт, запрещающий Реформацию и осуждавший реформаторов. В апреле 1521 г. был

опубликован отзыв Сорбонны об учении Лютера: [14]. Лютер обвинялся в возрождении учений всех прежних еретиков: манихеев, ариан, катаров, вальденсов, гуситов и пр. Опубликованный в октябре ответ Меланхтона «Против неистового суждения парижских теологов» [10] свидетельствовал о незаурядном личном мужестве гуманиста.

В условиях ожесточенной борьбы с идеологами феодально-католической реакции необходимо было не только парировать их выпады, но и противопоставить их идеям систематическое изложение теоретических основ нового реформационного учения, отражавшего взгляды зарождавшейся буржуазии. Меланхтон в 1521 г. предпринимает попытку решить эту задачу и создает большой теоретический труд «*Loci communes rerum theologicarum*» («Некоторые главные положения теологии») [9].

Заметное место в этой работе Меланхтон отводит рассмотрению правовых и общественно-политических вопросов. Законы нужны, по его мнению, не только для спасения души, но и для общего блага, которое устранивается и охраняется законами. Меланхтон разделял все законы на три группы: законы, «родившиеся естественно», «божественные законы» и законы, «созданные людьми» [9, с. 53]. «Все люди, — пишет гуманист, — по сути, связаны друг с другом как брат с братом, и ребенок с родителем» [9, с. 56].

Опираясь на идеи Платона о наилучшем устройстве государства, Меланхтон утверждал, что «примером хорошо управляемого государства может являться только такое, в котором могут быть приняты во внимание слова о том, что имущество друзей — совместное» [9, с. 57]. Он сознает, что это только идеал, и делает весьма примечательную оговорку: «Имущество может употребляться сообща лишь в той степени, в какой это согласуется с мирной жизнью общества и благополучием большинства» [9, с. 59]. Поскольку же людям присуща жадность, естественное право, по мнению Меланхтона, в целях сохранения общего мира должно защищать частную собственность [9, с. 56]. В ходе дальнейших рассуждений Меланхтон совсем отказывается от закона общности имущества и заменяет его принципом общественного мира [9, с. 57]. Поддержание последнего должно обеспечиваться при помощи договоров или контрактов между отдельными имущими лицами [9, с. 57]. Следовательно, Меланхтон видел основу сохранения общественного мира не в общности имущества, а в относительном равенстве последнего: чрезмерное богатство или бедность, с точки зрения Меланхтона, являются нежелательными. Как выразитель интересов бюргерства Меланхтон скептически воспринимал повседневно нарушаемый его современниками раннехристианский и средневековый идеал бедности. «Евангелическая бедность, — отмечал он, — заключается не в обычной бедности нищего, не в том, чтобы ничем не владеть» [9, с. 68].

Гуманист также дает характеристику государства и церкви, достаточно четко разграничивая сферы их деятельности. Меланхтон подчеркивает, что церковь должна заниматься проповедью, а не стремиться к овладению светской властью [9, с. 209]. Главное внимание он уделяет обличению пороков и необоснованных притязаний папской церкви. Меланхтон полностью отрицает право церкви вмешиваться в светское законодательство [6, с. 309]. Тем самым гуманист отвергает средневековое каноническое право, которое необоснованно включало в свою сферу широкий круг гражданских судебных дел, начиная от брачных и кончая имущественными. Уничтожение книг канонического права Меланхтон в декабре 1520 г. оценил как занятие вполне «благочестивое» [7, с. 26]. С точки зрения Меланхтона, канонистика является орудием папских притязаний. «Законы священников о гражданских делах, — подчеркивал Меланхтон, — были установлены на основе откровенной тирании» [9, с. 73]. Меланхтон считал, что католическая церковь руководствуется в своих действиях против Реформации исключительно мирскими интересами, а не божественными законами. «В папских собраниях, — подчеркивает гуманист, — почти ничем другим не занимаются, кроме процессов, касающихся римского господства, порабощения светских правителей, защиты патримонии, умножения владений священников и подчинения греческой церкви» [9, с. 76]. Экономический гнет католической церкви был для Германии начала XVI в. одним из самых злободневных вопросов. Меланхтон отмечал, что церковь объявляла вне закона всякого, кто «требовал от священника общественного налога, пошлину или что-либо подобное» [9, с. 73]. По мнению Меланхтона, огромное церковное имущество необходимо использовать для общего блага [9, с. 73]. Кто и как должен осуществлять секуляризацию, в Лосі не уточняется. Лишь об одном, но существенном компоненте церковного имущества — о монастырях — Меланхтон высказывается вполне определенно. Он предлагает превратить их снова в христианские школьные заведения [9, с. 69].

Подобно Лютеру, Меланхтон считал, что власть происходит от бога, и оценивал ее как позитивный фактор общественной жизни. «Внешнее (т. е. светское. — А. Г.) благочестие предполагает наличие власти», — писал Меланхтон в конце 1521 г. [2, с. 526]. Основная задача светской власти, по его мнению, заключается в поддержании мира и порядка в обществе, в организации суда и наказании преступников [9, с. 209]. Порядок в обществе обеспечивается при помощи «светских или гражданских законов», право издания которых принадлежит только «чиновникам, властям, князьям, королям и государству» [9, с. 72]. Подданные обязаны выполнять свои гражданские обязанности сознательно, считает Меланхтон, а не из чувства страха перед наказанием [9, с. 209].

Будучи противником общественных потрясений, Меланхтон утверждал, что светской власти надлежит повиноваться, даже если она управляет «тиранически» [9, с. 210]. Но вместе с тем он устанавливал и границы повиновения: если светская или духовная власть наносит обществу вред, т. е. нарушает божественное право, ей следует сопротивляться [9, с. 211]. Правда, активного сопротивления властям Меланхтон не признавал. Вполне определенно заявляя, что сторонники Лютера не хотят повиноваться «не внушающим доверия князьям, которые в наши дни сжигают Евангелие» [9, с. 213], Меланхтон подчеркивал, что они «не должны защищаться силой» [3, с. 526]. Таким образом, его учение объективно было направлено на сохранение существующего общественного порядка.

Социально-политическая позиция Меланхтона существенно отличается от позиции его учителей и духовных наставников — Эразма и Рейхлина, которые, внося заметный вклад в идеологическую подготовку Реформации, тем не менее участия в ней не приняли. Меланхтон стремился, в отличие от них, использовать свои многогранные знания не только в научной и педагогической сферах, но и при решении насущных проблем общественно-политической жизни Германии 1520—1521 гг. Он выступает как представитель умеренного немецкого бюргерства, которое очень решительно обличало злоупотребления папского Рима в Германии, проявляло стремление к преобразованию изжившей себя католической церкви, но вместе с тем еще не видело необходимости в ликвидации феодальной системы в целом.

Список литературы: 1. Гаврюшенко А. А. Филипп Меланхтон в марксистской историографии СССР и ГДР 50-х—70-х годов. — Вестн. Харьк. ун-та, 1983, № 238. История, с. 76—84. 2. *Corpus Reformatorum*. Halle, 1834. Vol. 1. 1120 Sp. 3. *Goosmann W.* Philipp Melanchthons politisches Denken und Handeln in den Jahren 1518—1525. Berlin, 1964. 122 S. 4. *Herrlinger A.* Die Theologie Melanchthons in ihrer geschichtlichen Entwicklung und im Zusammenhang mit der Lehrgeschichte und Kulturbewegung der Reformation. Gotha, 1879. 469 S. 5. *Kisch G.* Melanchthons Rechts- und Soziallehre. Berlin (W), 1967. 307 S. 6. *Maurer W.* Der junge Melanchthon. Göttingen, 1969. Bd. 2, 617 S. 7. *Melanchthon P.* Aufruf an die Wittenberger. Studentenschaft zum Verbrennung der geistlichen Rechtsbücher zu erscheinen. — In: *Analecta Lutherana*. Gotha, 1883, S. 26. 8. *Melanchthon P.* Didymi Faventini adversus Thomam Placentinum Oratio pro Martino Luthero Theologo. — In: *Corpus Reformatorum*. Vol. 1. Halle, 1834, Sp. 286—358. 9. *Melanchthon P.* Loci communes von 1521 und 1522. — In: *Supplementa Melanchthoniana*. Abt. I, Th. 1. Leipzig, 1910. Unveränderter Nachdruck. Frankfurt, 1968, S. 1—216. 10. *Melanchthon P.* Widder das wuetende urteyl der Pariser Theologisten. — In: *D. Martin Luthers Werke*. Kritische Gesamtausgabe. Weimar, 1889, Bd. 8, S. 295—319. 11. *Nürnberg K.* Kirche und weltliche Obrigkeit bei Melanchthon. Freiburgi. Br., 1937. 61 S. 12. *Sohm W.* Die Soziallehren Melanchthons. — In: HZ, Bd. 115, 1916, S. 64—76. 13. *Thomae Rhadini* Todischi Placentini in Lutherum Oratio. — In: *Corpus Reformatorum*. Vol. 1. Halle, 1834, Sp. 212—262. 14. *Eyn Urteyl der Theologen zu Pariß* über die lere Doctor Luthers. — In: *D. Martin Luthers Werke*..., Bd. 8, S. 268—290.

Поступила в редколлегию 10.11.83.

ЖИЛИЩЕ VI в. до н. э. НА БЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ

Несмотря на многолетние раскопки поселений лесостепной Скифии, обстоятельных сведений о жилищах архаической поры раннего железного века в научной литературе очень мало. Это касается и крупнейшего Бельского городища, отождествляемого с древним городом Гелоном. В. А. Городцов в 1906 г. отметил здесь следы землянки, но детали ее устройства тогда проследить не удалось [4, с. 103, рис. 101, с. 106]. Б. Н. Граков в своем общем обзоре лишь кратко упоминает о новых находках землянок, дает изображение одной из них (№ 4 из зольника № 12), но без необходимой характеристики [5, с. 153—155]. Поэтому заслуживают внимания данные о раскопках 1958 г. на Западном укреплении Бельского городища, когда здесь впервые удалось полностью вскрыть хорошо сохранившиеся остатки земляночного жилища.

Оно было обнаружено при исследовании зольника № 11, расположенного в северо-восточной части Западного укрепления на расстоянии около 70 м от внутренней стороны вала [15, с. 108, рис. 6]. Распаханный зольник едва возвышался над поверхностью городища, но хорошо выделялся на фоне чернозема более светлым цветом почвы с примесью золы, угольков и большого количества бытовых остатков. Раскопки показали, что насыпь зольника частично расположена на погребенной почве с культурным слоем архаической эпохи, а частично заполняла и перекрывала хозяйственную яму № 20 и остатки землянки № 1 (рис. 1). Кроме различных изделий и разрозненных и расколотых костей животных из пищевых отходов, в зольнике на различной глубине и в разных местах были обнаружены остатки жертвоприношений [15, с. 126, рис. 15]. Они представляли собой части туш различных животных (свинья, собака, корова, лошадь, овца) с анатомически правильно расположенными костями. Среди них были целые черепа с шейными позвонками, вырезки из средней части туловища с соответствующими позвонками и ребрами, конечности животных. В двух случаях в жертвенные ямки были положены целые тушки поросят. Стратиграфические данные показывают, что жертвоприношения совершались в различное время и постепенно перекрывались новыми отложениями зольника.

Хозяйственная яма № 20 показалась сразу же под слоем распаханной почвы на глубине 20 см и имела в верхней части форму цилиндра диаметром 104 см, а в нижней части конусообразно расширялась до 145 см. Глубина ямы 110 см. Она была впущена в зольник и перерезала верхний край землянки, которой в то время уже не пользовались. В яме найден целый лепной сосуд в виде горшочка и обломки костей животных из пищевых отходов.

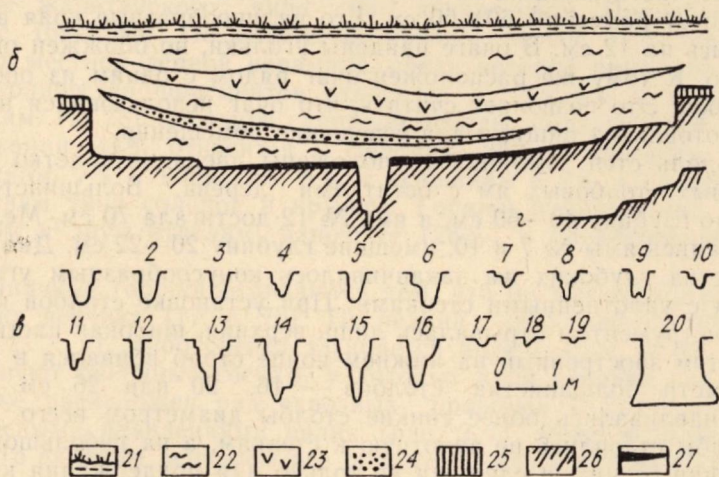
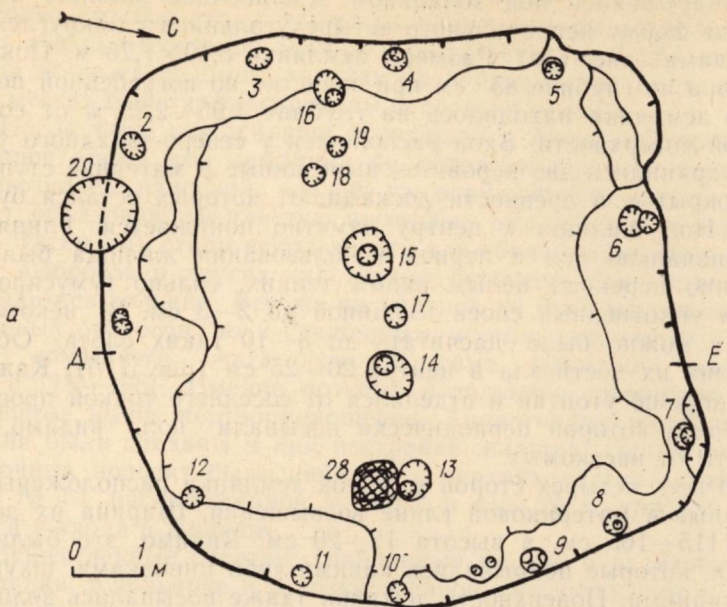

Рис. 1. Землянка № 1 на Западном укреплении Бельского городища: а — план землянки; б — профиль землянки по линии ДЕ; в — профили ям; 1—19 — столбовые ямы; 20 — хозяйственная яма; 21 — слой распаханной почвы; 22 — серая почва зольника; 23 — почва с большим содержанием культурных остатков (костей животных, фрагментов керамики, золы из очажных выбросов и т. п.); 24 — темная илстая почва; 25 — погребенная почва; 26 — материковый суглинок; 27 — прослойки пола жилища; 28 — очаг; а — профиль ступенек входа

Обнаруженное под зольником земляночное жилище имело в плане форму неправильного четырехугольника с закругленными углами (рис. 1, а). Размеры землянки $8,10 \times 7,76$ м. Показалась она на глубине 85 см при зачистке по погребенной почве, а дно землянки находилось на глубине 1,95—2,25 м от современной поверхности. Вход расположен у северо-западного угла, где сохранились две неровные, вырезанные в материке ступеньки, покрытые в древности досками, от которых остался бурый тлен. Пол жилища к центру заметно понижается. Глиняный первоначально пол в период использования жилища был по-степенно перекрыт целым рядом тонких, сильно гумусированных и уплотненных слоев толщиной до 2—3 см. В некоторых местах можно было насчитать до 8—10 таких слоев. Общая толщина их достигала в центре 20—25 см (рис. 1, б). Каждый слой хорошо утоптан и отделялся от соседнего тонкой прослойкой золы, которой периодически посыпали пол, видимо, для защиты от насекомых.

Со всех четырех сторон у стенок землянки расположены вырезанные в материковой глине возвышения. Ширина их достигала 115—165 см, а высота 12—20 см. Видимо, это были лежанки, которые покрывались какими-либо циновками, шкурами или тканями. Поверхность лежанок также посыпалась золой, но таких гумусированных слоев, как на полу, здесь не было. В восточной части жилища на полу был устроен небольшой глинобитный очаг размером 60×60 см. Его валикообразные края возвышались на 12 см. В очаге найдены угольки, но обожжен он был слабо. К тому же расположен очаг рядом с одним из опорных столбов. Это позволяет считать, что очаг использовался не для приготовления пищи, а для освещения помещения.

Вдоль стен землянки расположены двенадцать четко выраженных столбовых ям с остатками дерева. Большинство ям имело глубину 40—60 см, а яма № 12 достигала 70 см. Мелкими оказались ямы № 7 и 10, имевшие глубину 20—22 см. Дно большинства глубоких ям заканчивалось конусообразным углублением с уплотненными стенками. При установке столбов каким-то инструментом отрывалась лишь верхняя, широкая часть ямы, а затем заостренный на нижнем конце столб вбивался в почву. Диаметр большинства столбов — 16, 20 или 26 см. Реже устанавливались более тонкие столбы диаметром всего 10 см. Столбы ставились не вплотную к стенкам, а на небольшом расстоянии от них, и служили не только для поддержания кровли, но и для закрепления какой-то облицовки стен. Возможно, она представляла собой плетень из прутьев.

Помимо ям, расположенных у стен, в средней части землянки в направлении с запада на восток расположено еще четыре самые большие столбовые ямы (№ 13—16). Глубина их от 82 до 110 см. Диаметры закрепленных в них столбов 20—22 см. Только в яме № 14 столб имел диаметр около 14 см. Большая

глубина ям свидетельствует, что в них были поставлены самые высокие столбы; это, а также расположение ям позволяет сделать вывод, что крыша землянки была двускатной. Видимо, она была покрыта соломой, так как на верхнем слое пола во многих местах были зафиксированы отпечатки соломы.

После того, как жилище обветшало и было заброшено, некоторое время яма землянки не использовалась и постепенно заполнялась наносной землей из окружающего культурного слоя, образовавшей илистую прослойку над остатками перекрытия. Затем яму стали использовать для сбрасывания сюда очажных выбросов и других культурных остатков. Так начал образовываться зольник. Все же он являлся не простым скоплением бытовых отходов, но и священным местом, связанным с культом домашнего очага, как и сами очажные выбросы [14, с. 178—198]. Именно поэтому в зольнике совершали и отмеченные выше жертвоприношения. Аналогичные жертвоприношения были сделаны и при постройке жилища. Целые скелеты молочных поросят были найдены в верхних частях столбовой ямы № 13, расположенной у очага, и ямы № 6, которая находится у входа в жилище.

Вещественные остатки, найденные на дне и в заполнении землянки, в зольнике и в хозяйственной яме, относятся к одной и той же архаической лесостепной культуре типа Западного укрепления Бельского городища, которая очень близка к памятникам жаботинского типа на днепровском Правобережье [12, с. 169—188]. По количеству находок первое место принадлежит местной лепной керамике, среди которой примерно равное количество фрагментов относится к простым и лощеным сосудам. Из 232 образцов глиняной посуды, поддающейся классификации, 44% относится к горшкам, 25% к кружкам, 17% к мискам, 7% к корчагам, 5% к кувшинам и 2% к остальным изделиям типа солонок и крышек. Горшки принадлежат в основном к двум отделам: баночные (28%) и профилированные (67%).

Баночные горшки отличаются тем, что не имеют отогнутого наружу венчика [17, с. 70]. Последний либо почти прямой (рис. 2, 2, 9), либо слегка загибается внутрь (рис. 2, 1). Господствуют баночные сосуды, у которых край венчика гладкий, а ниже расположен ряд сквозных проколов и расчлененный пальцевыми вдавлениями валик (рис. 2, 1). Реже встречаются банки с гладким венчиком без орнамента или с гладким краем, ниже которого находится расчлененный валик (рис. 2, 2). Единичными находками представлены баночные сосуды, у которых по краю венчика имеются пальцевые вдавления или сделанные палочкой насечки, а ниже — проколы и расчлененный валик, иногда с опущенным концом (рис. 2, 9). Профилированные горшки представлены типом слабопрофилированных с незначительно отогнутым венчиком и очень покатыми плечами. Нижняя часть корпуса слабовыпуклая или слегка вогнутая у дна. Гос-

подступают слабопрофилированные горшки с гладким (закругленным или заостренным) краем венчика, украшенным проколами или расчлененным валиком (рис. 2, 3, 6), конец которого иногда опускается вниз. Реже встречаются слабопрофилированные горшки с орнаментом иного типа: с гладким венчиком, украшенным только проколами; с венчиком, имеющим пальцевые вдавления или насечки по краю, а ниже — проколы; с венчиком, у которого проколы сочетаются с расчлененным валиком. Встретился экземпляр, у которого плоский край венчика украшен оттисками полукруглого штампа, ниже изнутри сделаны наколы, снаружи имеется расчлененный валик (рис. 2, 5). Также единичным является горшок, имеющий венчик с гладким краем, а ниже — проколы и расчлененный первый валик, под которым расположен второй такой же валик. Небольшую группу горшков (5%) составляют специализированные, имеющие носик в виде заостренного желобка (рис. 2, 4). С горшками, видимо, связаны и плоские круглые крышки с отверстиями (рис. 2, 13).

Среди мисок встречаются простые конические с почти прямыми стенками, но преобладают миски со слегка загнутым внутрь краем (рис. 2, 10). Края мисок бывают округленными, ровно срезанными или оттянутыми внутрь. Иногда они украшены вдоль края проколами, наколами, образующими «жемчужины», проколами с расчлененным валиком, насечками и проколами, полукруглыми выступами (рис. 2, 21).

Большую группу сосудов составляют кружки с ручками (ковши) и без ручек (кубки). Господствуют первые (93%). Среди ковшей имеется экземпляр очень архаического типа с ручкой без отростка (рис. 2, 14). Близкие по форме ковши с ручками без отростков или с едва намеченным отростком известны на поселениях предскифского времени с отложениями конца VIII—VII вв. до н. э. и в одновременных курганах [9, с. 14, рис. 2, 12—14; 1, с. 114, рис. 47, 5; 6, с. 81, рис. 50, 2]. Среди остальных, типичных уже для времени скифской архаики, судя по фрагментам, встречаются мелкие и глубокие ковши, ручки которых украшены коническими, грибовидными, уплощенными и раздвоенными в виде ласточкиного хвоста отростками (рис. 2, 22, 23, 24). Лощеная поверхность ковшей бывает украшена геометрическим резным орнаментом с инкрустацией белой пастой. Вершины треугольных или ромбических фигур, составляющих элементы этого орнамента, иногда отмечены точками (рис. 2, 25), что является также архаическим признаком, типичным для VII в. до н. э. и первой половины VI в. до н. э. [6, с. 82—83]. Горшковидные кубки (рис. 2, 15—17) лишены лощения и орнаментации. Найден сосуд типа солонки (рис. 2, 27).

Только фрагментами представлены большие сосуды в виде корчаг и кувшинов, имевших обычно лощеную поверхность,

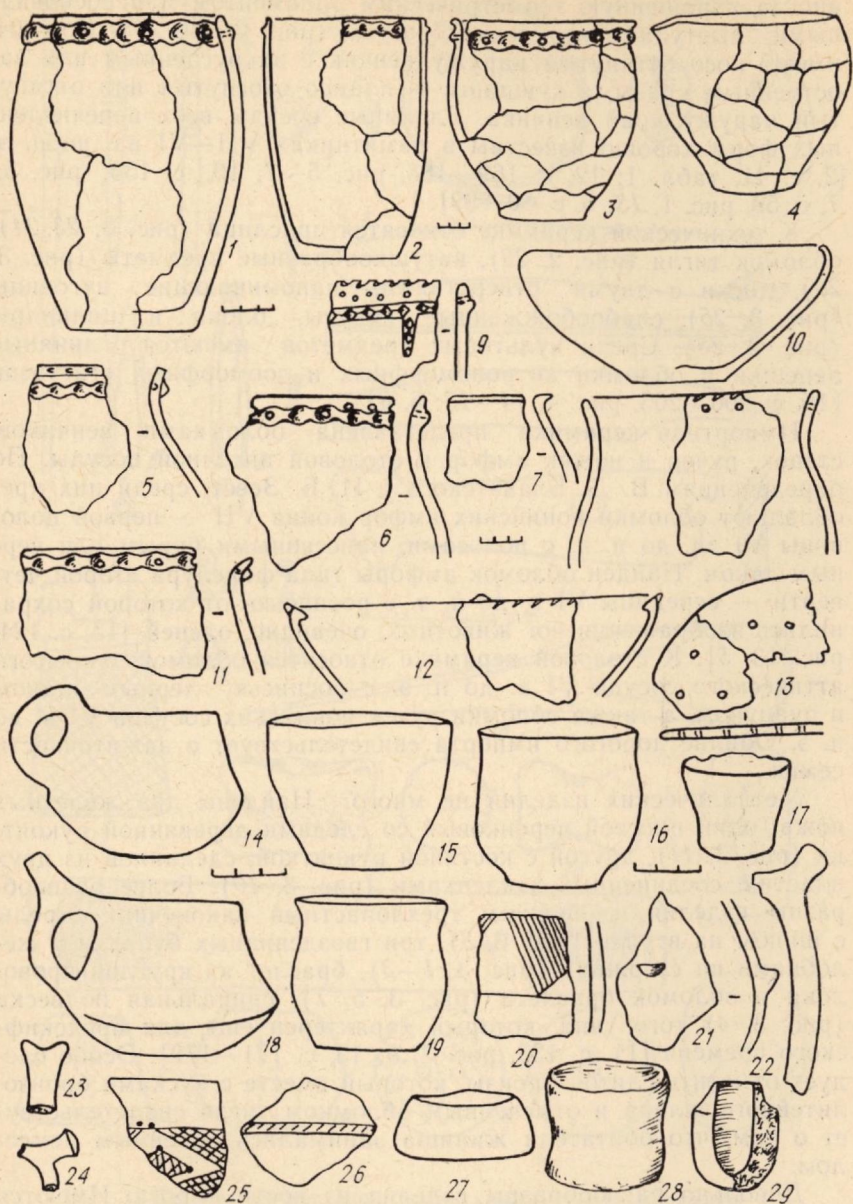

Рис. 2. Изделия из глины:

1—4 — горшки; 5—6, 8—9, 11 — обломки горшков; 7 — обломок кувшина; 10—12 — миски; 13 — крышка; 14, 18 — ковши; 15—17, 19 — кубки; 20—21 — обломки корчаг; 22—24 — обломки ручек ковшей; 25—26 — обломки стенок ковшей; 27 — сосуд типа солонки; 28 — глиняный блок; 29 — обломок тигля

иногда украшенную геометрическим орнаментом или сосковидными выступами на стенках сосуда (рис. 2, 20, 21). Корчаги имеют косо оттянутый наружу венчик с закругленным или заостренным краем, а кувшины — плавно отогнутый или оттянутый наружу край венчика. Глиняные сосуды всех перечисленных форм хорошо известны в памятниках VII—VI вв. до н. э. [2, с. 41, табл. 1; 12, с. 169—188, рис. 5—7; 10, с. 133, рис. 5; 7, с. 59, рис. 1, 13; 6, с. 80—99].

К технической керамике относятся пряслица (рис. 3, 23, 24), обломок тигля (рис. 2, 29), катушкообразные предметы (рис. 3, 20), диски с двумя отверстиями, напоминающие пуговицы (рис. 3, 25), слабообожженные конусы, блоки и цилиндры (рис. 2, 28). Среди культовых предметов имеются глиняные лепешки и обломки антропоморфных и зооморфных статуэток [16, с. 200—203, рис. 4, 14—15; 5, 8].

Импортная керамика представлена обломками венчиков, стенок, ручек и ножек амфор и столовой античной посуды. По определению В. Д. Блаватского и И. Б. Зеест, среди них преобладают обломки ионийских амфор конца VII — первой половины VI вв. до н. э. с полосами, нанесенными бурым или черным лаком. Найден обломок амфоры типа фikelура второй четверти — середины VI в. до н. э. с росписью, от которой сохранились изображения ног животных, очевидно, оленей [15, с. 124, рис. 13, 5]. К столовой керамике относятся обломок закрытого аттического сосуда VI в. до н. э. с росписью черным лаком и пурпуром, а также обломки ручек ионийских сосудов VI в. до н. э. Обилие дорогого импорта свидетельствует о зажиточности семьи.

Металлических изделий не много. Найдены два железных ножа: один простой черенковый со следами деревянной рукоятки (рис. 3, 11), другой с костяной рукояткой, сделанной из двух пластин, соединенных заклепками (рис. 3, 10). Более разнообразны изделия из бронзы: трехлопастный наконечник стрелы с шипом на втулке (рис. 3, 8), три гвоздевидных булавки с желобками на стержнях (рис. 3, 1—3), браслет из круглой проволоки и обломок браслета (рис. 3, 5, 7), спиральная подвеска (рис. 3, 4) того типа, который характерен еще для предскифского времени [11, с. 133, рис. 3, 5; 13, с. 171—172]. Особо следует отметить слиток бронзы, который вместе с кусками бронзолитейного шлака и отмеченным обломком тигля свидетельствует о том, что обитатели жилища занимались литейным ремеслом.

Довольно разнообразны изделия из кости и рога. Имеются костяные шилья с залощенными концами и кочедыг для плетения (рис. 3, 18), обломок трехдырчатого псалия от конской уздечки (рис. 3, 12) и обоймочка для перекрещивающихся ремней уздечки с изображением стилизованной морды животного (16, рис. 3, 15), обломок орнаментированной ручки (рис. 3, 13),

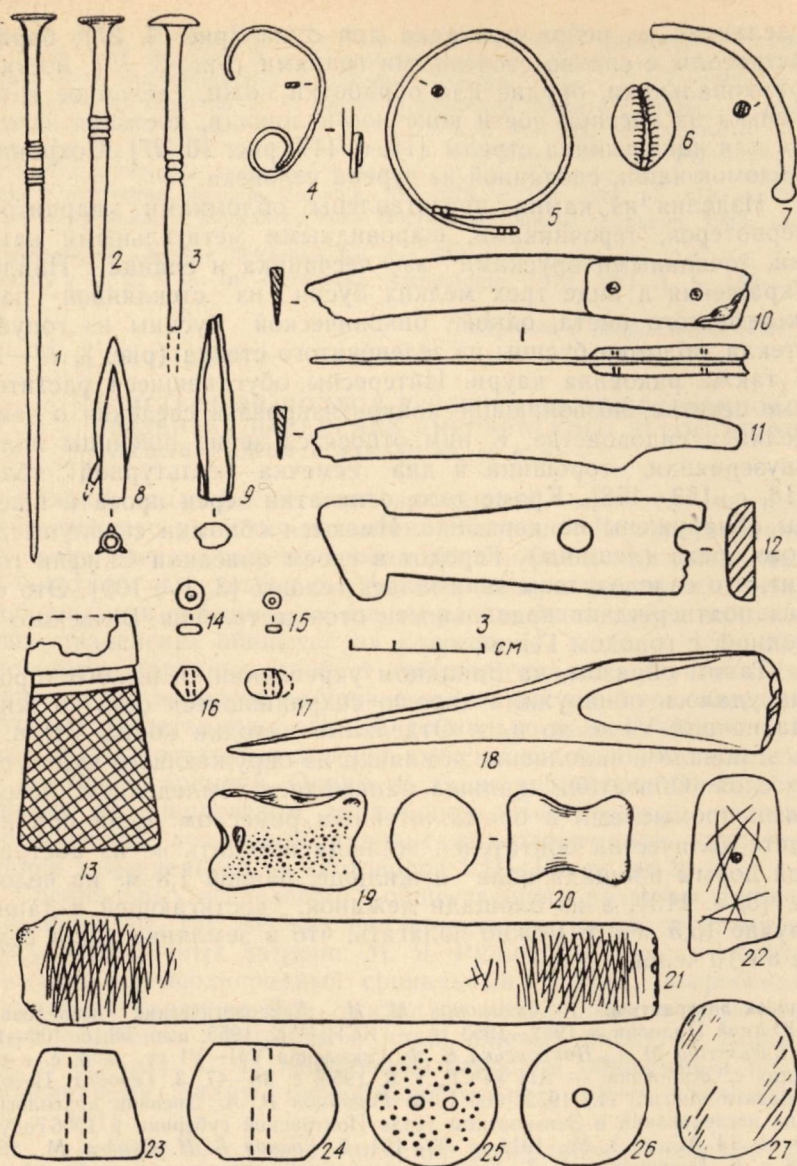

Рис. 3. Изделия из металлов, кости, камня, стекла, керамики:
 1—3 — булавки; 4 — серьга; 5 — браслет; 6 — раковина каури; 7 — обломок браслета; 8 — наконечник стрелы; 9 — заготовка для наконечника; 10—11 — ножи; 12 — обломок псалия от уздечки; 13 — обломок рукоятки; 14—17 — бусы; 18 — кочедыг; 19 — сточенный астрагал; 20 — «катушка»; 21 — накладка для лука; 22 — обломок точильного бруска; 23—24 — пряслица; 25 — «пуговица»; 26 — диск с отверстием; 27 — заготовка (материал: 1—5, 7—8 — бронза; 10 — железо и кость; 11, 12, 13, 18—21, 27 — кость; 14—17 — стекло; 20, 23—26 — керамика)

сделанная из ребра накладка для лука (рис. 3, 21), бараньи астрагалы с сильно сточенными гранями (рис. 3, 19), костяные разминальники, орудие для обработки кожи, сделанное в виде конька из пястной кости конечности лошади, костяная заготовка для наконечника стрелы [15, с. 117, рис. 10, 27]. Сохранился обломок чаши, сделанной из черепа человека.

Изделия из камня представлены обломками кварцитовых зернотерок, терочниками, шаровидными метательными камнями, точильными брусками из песчаника и сланца. Найдены украшения в виде трех мелких бусин из стеклянной пасты желтоватого цвета, одной биконической бусины из голубого стекла, обломка бусины из зеленоватого стекла (рис. 3, 14—17), а также раковина каури. Интересны обуглившиеся растительные остатки, позволяющие конкретизировать сведения о земледелии и садоводстве. К ним относятся зерно пшеницы полбы-двузернянки, горошина и два семечка культурной яблони [18, с. 153—158]. Кроме того, отпечатки зерен проса и пшеницы обнаружены на керамике. Имеются обломки скорлупы лесного ореха (лещины). Геродот в своем описании Скифии говорит, что садоводством занимались гелоны [3, IV, 109]. Это еще раз подтверждает правильность отождествления Бельского городища с городом Гелоном.

Таким образом, на Западном укреплении Бельского городища удалось обнаружить хорошо сохранившиеся остатки жилища начала VI в. до н. э. Отдельные находки конца VII в. до н. э. попали в заполнение землянки из окружающего культурного слоя. Обитатели жилища занимались земледелием, домашними промыслами и бронзолитейным ремеслом. Если при подсчете количества обитателей жилища исходить не из абстрактной нормы площади пола в жилище, равной 1,8 м² на человека [8, с. 113], а из площади лежанок, достигающей в данном случае 15,5 м², то можно полагать, что в землянке жила семья из 8—10 человек.

Список литературы: 1. Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. — КСИИМК, 1955, вып. 59, с. 100—117. 2. Вязьмитина М. И., Покровська Є. Ф. Поселения VII—VI ст. до н. э. в окрестностях с. Жаботина. — АП УРСР, т. 6, 1956, с. 38—47. 3. Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972. 600 с. 4. Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 году. — Труды 14 АС, т. 3. М., 1911, с. 93—161. 5. Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. 168 с. 6. Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981. 160 с. 7. Крушельницкая Л. И. Памятники раннежелезного времени в верховьях Западного Буга. — СА, 1971, № 3, с. 58—66. 8. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. 191 с. 9. Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. — МИА, 1958, № 64, с. 5—102. 10. Петровська Є. О. Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва. — Археологія, 1970, т. 24, с. 129—145. 11. Покровська Є. Ф. Кургани предскіфського часу в басейні р. Тясмин. — Археологія, 1953, т. 8, с. 128—137. 12. Покровская Е. Ф. Предскифское поселение у с. Жаботин. — СА, 1973, № 4, с. 169—188. 13. Тер-

ножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961. 248 с. 14. Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Сев. Причерноморья в раннем железном веке. — СА, 1957, № 1, с. 178—198. 15. Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 94—132. 16. Шрамко Б. А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 194—209. 17. Шрамко Б. А. Археология раннего железного века Восточной Европы. Харьков, 1983. 135 с. 18. Šramko B. A. Der Ackerbau bei den Stämmen Skythiens in 7.—3. Jahrhundert v. u. Z. — In: Slovenska Archeologia, 1973, XXI—I. S. 153—168.

Поступила в редколлегию 17.09.83.

Ю. Н. БОЙКО

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В VII—III вв. до н. э.

Важной задачей советской археологии является изучение общественного развития населения Восточной Европы в раннем железном веке, когда, по словам Ф. Энгельса, «различие между богатыми и бедными выступает наряду с различием между свободными и рабами, — с новым разделением труда возникает новое разделение общества на классы» [1, т. 21, с. 163—164]. Сложность проблемы требует предварительного изучения связанных с ней вопросов на уровне отдельных регионов, население которых представляло единый социально-экономический организм, и где достаточно хорошо изучены все основные памятники скифского времени. Одним из таких территориальных образований на днепровском лесостепном Левобережье является ворсклинский локальный вариант археологической культуры племен земледельцев — скотоводов VII—III вв. до н. э.

Специальных исследований общественного развития местного населения нет, так же, как нет единства взглядов по этому вопросу у различных авторов. М. Я. Рудинский первым обратил внимание на неоднородный социальный состав погребенных в курганах Таранова Яра, указал на необходимость включения социологических вопросов в план полевых работ на Ворскле [20, с. 56—57]. Г. Т. Ковпаненко относил общество в целом к последнему этапу первобытности на грани разложения [11, с. 181].

С середины 60-х годов внимание археологов привлекло изучение поселений, что привело к широкому увеличению круга источников. С их привлечением создан ряд оригинальных работ по хозяйству, культуре, идеологии земледельцев лесостепной Скифии [2; 15; 24; 27]. Многолетние исследования Б. А. Шрамко на Бельском городище позволили доказать соответствие памятника описанию древнего города Гелона у Геродота [5, IV, 108, 123], впервые для поселений такого типа выделить ряд усадебных комплексов, определить занятия их жителей, поста-

вить вопрос о социальной топографии города [25; 26; 18]. Несколькими ранее о Бельском городище как о центре политического союза нескольких племен писал Б. Н. Граков [6, с. 160—164].

В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин не занимались специальным изучением памятников бассейна р. Ворсклы скифского времени, но в ряде работ дали общую оценку уровня общественного развития местных племен. Первоначально точка зрения В. А. Ильинской была близка выводам Г. Т. Ковпаненко [8, с. 184—185]. Позднее совместно с А. И. Тереножкиным ею было высказано мнение об одинаковом уровне социального развития населения ворсклинской локальной группы памятников и Правобережья Среднего Приднепровья, который, однако, был ниже степени общественной дифференциации посульских племен. При этом решающим условием появления имущественного и социального неравенства, зачатков рабовладения у населения этих регионов считалось влияние более развитых социально и господствовавших политически степных скифов-кочевников [9, с. 94, 108]. В окончательно оформившемся виде взгляды этих авторов близки точке зрения А. М. Хазанова [10, с. 367; 23, с. 155—158, 188—189].

Точку зрения о самостоятельном и независимом культурном и социальном развитии племен скифского времени бассейна Среднего Приднепровья наиболее убедительно обосновал в последнее время Б. А. Рыбаков в своей новой концепции пред истории Киевской Руси [21, с. 60—61].

Таким образом, широта диапазона оценок уровня общественного развития населения бассейна р. Ворсклы, основанных на одних и тех же источниках с применением одинаковой методики их анализа, свидетельствует о несовершенстве последней. Поэтому специальная постановка проблемы предполагает также поиск некоторых специальных приемов и методов проведения палеосоциологического исследования, основанного на материалах археологического изучения конкретного региона лесостепной Скифии.

Методическим принципом построения всей процедуры реконструкции древнего общества следует считать всестороннюю и последовательную реализацию марксистского принципа восхождения от абстрактного к конкретному. Это возможно при системном подходе, поскольку ключевым в марксистском представлении об обществе является представление о нем как о системе [12, с. 234]. При этом исторически определенный способ производства выступает в качестве материального основания общественной системы, а ее структура определяется связями и элементами каждого формационного типа общества. Особую сложность представляет изучение переходных эпох между формациями, когда в рамках единой системы старые социальные структуры сосуществуют с новыми, формирующимися [4, с. 86].

Эмпирическая сумма данных об археологических памятни-

ках скифского времени бассейна р. Ворсклы отражает с довольно высокой степенью приближения исторически сложившиеся формы материальной объективации существовавшей здесь региональной социально-экономической системы (РСЭС), одной из нескольких, входивших в состав социально-экономической макросистемы культурно-исторической области днепровского лесостепного Левобережья VII—III вв. до н. э. Поэтому первым этапом ее изучения должно стать определение конфигурации — топологических характеристик элементов системы, их взаиморасположения, взаимодействия в геопространстве, о чем позволяють судить закономерности распределения археологических памятников региона.

Основное количество поселений скифского времени находится на правом лесистом берегу р. Ворсклы, а также по обоим берегам ее левого притока р. Мерлы. Рядом с поселениями обычно расположены курганные могильники. Многие поселения образуют территориальные группы, причем, если на юге массива на каждую такую группу приходится по подсчетам автора около 53 км² прилегающей территории, которую можно рассматривать в качестве функциональной*, то севернее условной линии, проведенной в широтном направлении между селами Стаси и Михайловка на правом берегу среднего течения Ворсклы, значение этого показателя возрастает до 64 км² (без окрестностей Бельского городища). Это свидетельствует о более высокой плотности заселения северной части региона по сравнению с южной. Однако на одно поселение при этом приходится в среднем по 26 и 28 км² функциональной территории соответственно зонам, т. е. проявляется тенденция к сокращению расходов в абсолютных значениях показателей на уровне отдельных поселений. Поскольку свыше 80% поселений являются неукрепленными селищами — поселениями сельского типа, эта тенденция свидетельствует о равных потенциальных возможностях населявших их коллективов в хозяйственном освоении ближайших окрестностей, прежде всего с целью обеспечения себя продуктами питания.

Сложнее структура функциональной территории Бельского городища. Она состоит из собственно укрепленного поселения, самого большого в регионе курганного могильника в ур. Скоробор и около десяти расположенных в ближайших окрестностях селищ. Площадь этой территории 707 км², или примерно 27% всей освоенной в хозяйственном отношении площади региона. На одно селище здесь формально приходится 67 км², тогда как

* Показатель, позволяющий сравнительно оценивать плотность заселения и степень хозяйственного освоения различных частей региона. Численно равен площади территории, заключенной внутри невзвешенного полигона Тиссена (в нашем случае окружность), построенного для каждой группы поселений в отдельности. О методике см., напр. 27, р. 247—250.

экономический потенциал их не выходил за рамки освоения 26—28 км². Можно предположить, что остающиеся 420 км² (без могильника Скоробор) использовались непосредственно населением города Гелона. Несмотря на то, что сельское хозяйство не было основным занятием большинства населения Бельского городища, его потенциальные возможности в 15 раз превышали среднестатистический уровень по региону, а вместе с сельскохозяйственной округой сравнимы с потенциалом всей южной части региона. Это одно из доказательств того, что Бельское городище следует рассматривать в качестве структурного ядра РСЭС, несущего максимум информации об уровне социально-экономического развития системы в целом.

Жизнедеятельность Ворсклинской РСЭС и сам факт ее существования в условиях переходного периода от первобытности к раннеклассовому обществу во многом зависели от уровня обороноспособности, что отразилось в качественной структуре оборонительной системы региона. Она складывалась из отдельных городищ и мощных оборонительных узлов, которые располагались преимущественно вдоль границ радиально по отношению к ядру РСЭС, являясь тем самым вершинами регионального полигона. Некоторые цифровые данные о размерах и пространственно-временном распределении укрепленных поселений приведены в таблице.

Название городища	Площадь, га	Расстояние до Бельского городища, в часах пути	Время возникновения, в. до н. э.
Бельское	4020	—	VII
Сосенское	14	9	VI
Зареченское	8	11	VI
Каменское	10	13	VI
Полковая Никитовка	54	13	VI
Городнее	12	11	VI—V
Хрущевая Никитовка	5	17	V
Коломакское	10	14	VI
Грашковское	2	14	VI—V
Кнышевское	5	14	V
Балаклеевское		21	V
Шедиево		27	V—IV
Опошнянское	6	3	VI

Наиболее значительные оборонительные узлы, помимо самого Бельского городища, состоявшие из Сосенского, Зареченского, Каменского городищ на севере, городищ у сел Городнее, Полковая Никитовка, Хрущевая Никитовка, Коломак, хутора Грашков на востоке, прикрывали центральный массив укрепленных поселений в северной части региона. Почти все они возникли в процессе территориально-этнического формирования границ РСЭС в VII—VI вв. до н. э., располагались на важных речных путях и были обращены в сторону проходившего по водоразделу Ворсклы и Северского Донца Муравского шляха.

Глубокая древность существования этого важнейшего пути, связывавшего лесную и лесостепную зоны междуречья Днестра и Дона со степями Северного Причерноморья и Крымом, сомнений не вызывает, а по данным средневековых источников, он часто использовался кочевниками для грабительских набегов вглубь земледельческой области [13, с. 61—64]. Сравнительно небольшие расстояния между оборонительными узлами и Бельским городищем позволяли в пределах одних суток попасть в любую точку этой части оборонительной системы, что непосредственно связано с такой особенностью социальных систем, как способность к самосохранению, самоуправлению, саморегуляции. На западе и юге система обороны сложилась в V в. до н. э. и состояла из небольших далеко расположенных друг от друга и от ядра системы городищ Кнышевского, Балаклеевского, Шедиево [14, с. 52, 68, 74—75, 126, 133—134; 16, с. 275—276; 17, с. 316—317; 19, с. 360—361; 7, с. 232—249; 22, с. 76].

Анализ конфигурации Ворсклинской РСЭС дает возможность определить форму регионального полигона, его площадь (10 730 км²), выделить внутри системы две территориальные подсистемы — северную и южную, показать их структуру и иерархию уровней, которым соответствовали также качественные и хронологические различия в построении оборонительной системы региона.

Следующий этап исследования — определение конфигуратора РСЭС, что предполагает определение основного отношения упорядоченности элементов системы, непосредственно связанного с ее генерализированной функцией как целого. Таким конфигуратором, исходя из известного определения К. Маркса и Ф. Энгельса [1, т. 3, с. 20], следует считать степень развития общественного разделения труда, на основании чего строилась вся система общественных отношений, способ интеграции отдельных социальных групп населения в единый социально-экономический организм. Поэтому, если на первом этапе исследования основным объектом являлось первичное территориальное образование — социум, то на более высоком уровне восхождения от абстрактного к конкретному главное внимание следует уделить изучению социальных групп населения РСЭС, под которыми в марксистско-ленинской социологии понимается «общественная форма материальной деятельности людей, устойчивое и компактное социальное образование, сосредоточение определенных социальных свойств», объективно существующих внутри единой конкретно-исторической системы общественных отношений [3, с. 27]. В целом же понятие «социальная группа» является родовым по отношению к другим понятиям, обозначающим элементы социальной структуры, — классу, социальной общности, социальной организации, коллективу, которые выступают разновидностями социальных групп [3, с. 34]. Социальные

группы с их материальными основаниями следует рассматривать в качестве подсистем РСЭС. Выделение их на конкретном археологическом материале и всестороннее изучение позволит выяснить социальную структуру системы в отношении к экономическому основанию, без чего невозможна реализация основных принципов системного исследования.

Рамки статьи не позволили нам более детально остановиться на всех аспектах системного подхода к изучению общественного развития населения днепровского лесостепного Левобережья в VII—III вв. до н. э. Однако приведенные выше примеры системного анализа археологических памятников Ворсклинского региона показывают, что такой подход способствует совершенствованию методики проведения палеосоциологического исследования, основанного преимущественно на данных археологии.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Андриенко В. П. Основні культові обряди та споруди у племен лісостепової Скіфії (VII—V ст. до н. е.). — Вісн. Харк. ун-ту, 1974, № 104. Сер. Іст., вип. 8, с. 89—94. 3. Антипина Г. С. Теоретико-методологические проблемы исследования малых социальных групп. Л., 1982. 110 с. 4. Барг М. А. Принцип системности в марксистском историческом исследовании. — История СССР, 1981, № 2, с. 78—98. 5. Геродот. История в девяти книгах/Пер. и прим. Г. А. Страва-новского. Л., 1972. 600 с. 6. Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. 167 с. 7. Ильинская В. А. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел. — СА, 1957, № 27, с. 232—249. 8. Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. К., 1968. 203 с. 9. Іллінська В. А., Тереножкін О. І. Скіфський період. — В кн.: Археологія Української РСР. К., 1971, т. 2, с. 8—180. 10. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. К., 1983. 378 с. 11. Ковпаненко Г. Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. К., 1967. 188 с. 12. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980. 310 с. 13. Книга Большому Чертежу/Под ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950. 175 с. 14. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. М.; Л., 1981. 383 с. 15. Моруженко А. О. Городища скіфського часу на території лісостепу Європи. — Вісн. Харк. ун-ту, 1969, № 35. Сер. Іст., вип. 3, с. 65—73. 16. Моруженко А. А. Раскопки городищ у сел Каменка и Сосенка. — В кн.: Археологические открытия в 1968 г. М., 1969, с. 275—276. 17. Моруженко А. А. Раскопки городища Полковая Никитовка. — В кн.: Археологические открытия в 1972 г. М., 1973, с. 316—317. 18. Радзиевская В. Е., Шрамко Б. А. Усадьба с косторезной мастерской на Бельском городище. — СА, 1980, № 4, с. 181—189. 19. Радзиевская В. Е., Шрамко Б. А. Раскопки в бассейне Северского Донца и Ворсклы. — В кн.: Археологические открытия в 1976 г. М., 1977, с. 360—361. 20. Рудинський М. Я. Мачухська експедиція інституту Археології в 1946 р. — В кн.: Археологічні пам'ятки УРСР. К., 1949, т. 2, с. 53—79. 21. Рыбаков Б. А. Новая концепция предистории Киевской Руси. — История СССР, 1981, № 1, с. 3—74; № 2, с. 40—59. 22. Сидоренко Г. О., Махно Е. В., Телегин Д. Я. Довідник з археології України. Полтавська область. К., 1982. 106 с. 23. Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975. 341 с. 24. Шрамко Б. А. Господарство лісостепових племен на території України (VII—III ст. до н. е.). — УІЖ, 1971, № 1, с. 53—61. 25. Шрамко Б. А. Восточное укрепление Бельского городища. — В кн.: Скифские древности. К., 1973, с. 82—112. 26. Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск—город Гелон. — В кн.: Скифский мир. К., 1975, с. 94—132. 27. Шрамко Б. А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования семантики образов звериного стиля. — В кн.: Скифо-сибирский звериный

стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 194—210. 28. *Heinrich G. H. Härke. Settlement Types and Patterns in the West Halstatt Province.* — *BAR Int. Ser.*, 1979, v. 57. 258 p.

Поступила в редколлегию 17.09. 83.

Л. П. ГРУБНИК-БУИНОВА, В. А. КОСИКОВ

К ВОПРОСУ О ЦЕНТРАХ ПРОИЗВОДСТВА НЕКОТОРЫХ УЗДЕЧНЫХ БЛЯХ СКИФСКОГО ПЕРИОДА

С конца VI в. до н. э. среди разнообразных мотивов скифского звериного стиля, использовавшихся для художественного оформления металлических уздечных блях, большую популярность приобретают изображения голов хищных животных и птиц. Появление этих блях обусловлено изменениями, происшедшими на рубеже VI—V вв. до н. э. в материальной культуре и искусстве племен скифского периода.

Специалисты уже давно пытались решить вопрос о причинах этих изменений, о вкладе различных племен и народов юга Восточной Европы в формирование черт художественного стиля, пришедших на смену особенностям скифского искусства архаического периода. Значительное внимание уделялось поискам центров производства блях, изображающих орлиные головы.

Так, С. И. Капошина на основании находок тальковых форм из Ольвии, применявшихся для тиснения золотых орлиноголовых бляшек, высказала предположение об ольвийском происхождении сходных изображений, обнаруженных в памятниках степной и лесостепной Скифии [4, с. 185]. В. А. Ильинская, считавшая, что металлические части скифских уздечек, начиная с V в. до н. э., производились в ремесленных мастерских греческих городов, также обращала внимание на сходство деталей оформления блях с орлиными головками из посульских курганов и изображений на ольвийской форме [3, с. 131—132]. Высказывались и противоположные мнения. Как отмечал А. И. Шкурко, орлиноголовые изображения отличаются друг от друга многими деталями декоративно-орнаментального оформления, что дает возможность выделить среди них несколько типов. По мнению ученого, большинство изображений хищной птицы из лесостепного днепровского Правобережья имеет прямые аналогии в Прикубанье и степной Скифии. Относительно блях из левобережных памятников, точнее Посулья, А. И. Шкурко заметил: «...Налицо местный тип ушастой головки, решенный просто и лаконично... Все изображения так близки друг другу, что заставляют предполагать одну мастерскую. Прямой аналогии в других районах Скифии им нет» [10, с. 96]. О существовании нескольких центров, производящих подобные изделия, писала

Т. Б. Барцева, опираясь на данные спектрального анализа [2, с. 51]. Правда, исследовательница сделала оговорку: «...Химико-металлургическое изучение деталей узды... позволяет говорить о местном левобережном производстве, мастера которого работали, возможно, по заимствованным образцам, но переосмысленным на месте» [2, с. 57].

В настоящей статье предпринимается попытка определить центры производства одного из типов уздечных блях, орлиноголовые изображения которых имеют загнутый клюв, большой глаз, выделенное в затылочной части «ушко», круглую выпуклину на шее и орнаментированную продольными рубчиками восковицу.

Эти бляхи известны по находкам из курганов (к.) № 499 у с. Басовка, № 425 у с. Кулешовка и Роменских курганов (рисунк, 18 — 20). Они действительно близки между собой, но не являются только посульским типом, как считает А. И. Шкурко. Прямую аналогию им составляет бляха из кургана у с. Пастырское (рисунк, 12), описанная В. Г. Петренко [8, с. 169]. Хотя и в этом случае нельзя считать их лишь лесостепными образцами, так как подобные орлиноголовые бляхи (рисунк, 1—6) были обнаружены и в погребении (п.) № 1 к. № 6 второй курганной группы у с. Ковалевка на Южном Буге, в 50 км севернее г. Николаева [5, с. 67]. Поэтому закономерно возникает вопрос о первоначальном месте появления этих изображений на бляхах — в степной, лесостепной Скифии или в каком-то ином районе.

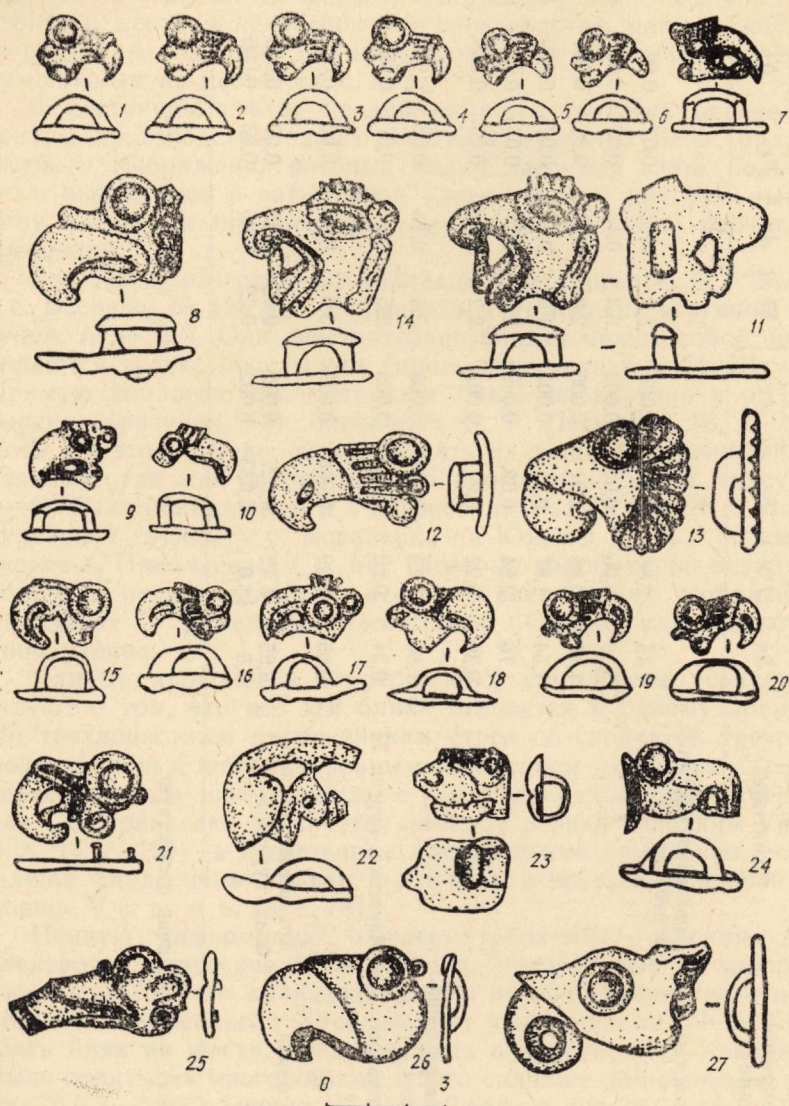
Данные хронологии погребальных комплексов свидетельствуют о том, что все эти бляхи относятся к одному времени. По трехлопастным наконечникам стрел со сводчатой треугольной головкой и широким ровным основанием («базисным») и по трехлопастным наконечникам с выступающей втулкой погребение у с. Ковалевка датируется началом первой половины V в. до н. э. [5, с. 139], а лесостепные погребальные комплексы, содержащие аналогичные бляхи, суммарно относятся к первой половине V в. до н. э. [3, с. 78].

Ценную информацию о рассматриваемых изделиях дали спектроаналитические исследования, проведенные в лаборатории спектрального анализа кафедры историографии, источниковедения и археологии Харьковского университета (ЛСА ХГУ). Пять блях из шести, обнаруженных в кургане у с. Ковалевка, были отлиты из многокомпонентного сплава с добавлением: олова — 0,3—1,8%; свинца — 0,92—2,84% и сурьмы — 1,9—2,9% (см. таблицу). От них отличается бляха, изготовленная из сплава с низким содержанием олова (0,16%), но с повышенной концентрацией свинца (5,07%) и сурьмы (2,33%). Примеси естественного происхождения для перечисленных блях оказались достаточно близкими: в сотых и тысячных долях процента — соответственно, висмут и серебро, до 0,17% — мышьяк,

Результаты спектрального анализа бронзовых деталей конской узды *

№ ана- лиза	Наименование предмета	Памятник	Sn	Pb	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co
1817	Орлиноголовая бляха	Ковалевка, курган 6, погребение 1	1,43	2,86	0,02	0,005	2,9	0,12	0,07	0,02	—
1820	"	"	0,16	5,06	0,02	0,002	2,3	0,13	0,03	0,013	0,006
1823	"	"	1,46	0,86	0,01	0,005	2,0	0,08	0,31	0,011	—
1824	"	"	1,54	1,87	0,01	0,005	1,9	0,11	0,07	0,006	0,007
1828	"	"	1,76	2,84	0,02	0,009	2,7	0,17	0,05	0,03	0,006
1831	"	"	0,30	0,92	0,01	0,007	2,2	0,02	0,03	0,009	—
1822	Бляха «свернувший- ся хищник»	"	1,80	1,73	0,01	0,008	2,4	0,13	0,03	0,02	—
1818	Бляха «головка грифона»	Макеевка, курган 71	0,24	0,20	0,009	0,005	2,5	0,1	0,07	0,02	—
1819	"	"	0,05	0,09	0,009	0,003	0,9	0,02	0,02	0,006	—
1840	Круглая бляха	Архангельская сло- бода, курган 5	6,85	5,42	0,027	0,002	0,02	2,26	0,09	0,005	—
1841	"	"	8,0	16,0	0,033	0,002	0,02	2,86	0,03	0,006	—

* Основа сплава — медь; цинк отсутствует.

Основные типы уздечных блях V в. до н. э.:
 1—6, 22 — к. № 6, п. № 1 у с. Ковалевка; 7, 9, 10 — к. № 71 у с. Макеевка;
 8 — Нимфейский курган; 11, 13, 14 — к. № 400 у с. Журовка; 12 — с. Пастырское; 15 — с. Волковцы; 16 — с. Охоньина гора; 17 — с. Аксютинцы; 18,
 21 — к. № 502 у с. Броварки; 19, 23, 24 — к. № 499 у с. Басовка; 20 —
 к. № 425 у с. Кулешовка; 25—26 — к. № 401 у с. Журовка; 27 — к. № 33
 у с. Бобрица

до 0,003% — кобальт; цинк отсутствует. Кстати, из этого же погребального комплекса в обломке бляхи с изображением свернувшегося хищника (таблица; рисунок, 22) также зафиксирован сплав с повышенным содержанием сурьмы.

Перечисленные рецептурные и сырьевые характеристики бронз из кургана у с. Ковалевка резко отличаются от металла других районов Скифии. Не найдено сплавов с сурьмой на Северном Кавказе [1], в Подонье [9], не обнаружены они и в бассейне Северского Донца, что показали анализы бронз Люботинского городища, сел. Островеерховка, курганов у с. Б. Гомольша, Протопоповка, проведенные ЛСА ХГУ. Но в единичных случаях сплавы с сурьмой зафиксированы ЛСА ХГУ, например в «базисных» наконечниках Бельского городища, в уздечных бляхах — «головках грифонов» из к. № 71 у с. Макеевка на Правобережье Днепра (таблица; рисунок, 7), а также в прс-низке и трех уздечных бляхах из Посулья [2, с. 102, 103, 121]. Орлиноголовую бляху, аналогичную ковалевским образцам, Т. Б. Барцева относит к волго-камской химико-металлургической группе сурьянно-мышьяковых сплавов [2, с. 51], хотя мышьяк зафиксирован здесь в концентрации 0,2%. Еще одна бляха (с. Басовка, к. № 499), имеющая почти полное сходство с исследуемыми, отлита из оловянно-свинцового сплава с незначительной примесью сурьмы — 0,02% [2, с. 103].

Как видим, большинство проанализированных орлиноголовых блях имеет не только декоративно-орнаментальное сходство, но и крайнюю редкую для Скифии легирующую примесь сурьмы, что подтверждает предположение А. И. Шкурко о существовании единой мастерской, производившей подобные изделия. Определить местонахождение этой мастерской позволили спектро-аналитические исследования цветной металлообработки античных городов Северо-Западного Причерноморья [6, 7]. Оказалось, что бронзолитейщики Ольвии и ее хоры довольно часто использовали сплавы на медной основе с искусственной примесью сурьмы (оловянно-сурьянные, оловянно-свинцово-сурьянные и сурьянные). Такие сплавы применялись для отливки монет-дельфинчиков и «базисных» наконечников стрел конца VI — первой половины V в. до н. э. В небольшом количестве они обнаружены и на о. Березень [6, с. 11].

В пользу ольвийского происхождения орлиноголовых блях исследуемого типа говорят следующие факты: более раннее появление сплавов с сурьмой в Ольвии (конец VI в. до н. э.), чем в Скифии; совпадение времени существования орлиноголовых блях и этих сплавов; близость к Ольвии и ее сельскохозяйственной хоре к. № 6 у с. Ковалевка, где обнаружены орлиноголовые бляхи.

Малочисленность блях рассмотренного типа в лесостепных районах Скифии заставляет критически отнестись к мнению части археологов о ведущей роли древнегреческих городов-

колоний, в том числе и Ольвии, в производстве деталей уздечного набора. Еще в VII—VI вв. до н. э. в области днепровского лесостепного Левобережья сложились самостоятельные металлообрабатывающие центры, продукция которых широко известна по памятникам Псла, Ворсклы и других районов.

В степной Скифии, вплоть до конца V в. до н. э., крупные производственные центры отсутствовали, поэтому основная часть металлических изделий для скифов-кочевников изготавливалась в греческих городах-колониях, лесостепных или северокавказских центрах [12]. Это подтвердили исследования технологии производства неорнаментированных круглых бляшек для конской сбруи [11, с. 93—99]. Такие бляшки отчетливо подразделяются по способу прикрепления ушек на степные, лесостепные и античные. По определению Т. Б. Барцевой, их медь имеет восточное, северокавказское и западное происхождение [2, с. 48—49]. Так, бляхи из памятников левобережной Лесостепи отливались только из оловянно-свинцовой бронзы. В металлургическом отношении резко отличаются от них бляхи из кургана у ст. Архангельская слобода Херсонской области (таблицы), имеющие слегка выпуклый щиток с выступающей шишечкой, овальную петлю на оборотной стороне и очень близкие по типу и технике литья к северокавказским. Отлиты они по восковой модели из оловянно-свинцово-мышьяковой бронзы, обычной для памятников VI—IV вв. до н. э. Северного Кавказа [1].

Таким образом, есть все основания говорить о существовании нескольких центров производства деталей конской узда скифского периода. В VI — первой половине V в. до н. э. наиболее крупные металлообрабатывающие центры сложились в античных городах Северного Причерноморья, лесостепном Приднепровье и на Северном Кавказе. Посредством торговых связей их продукция широко распространялась среди разноэтничного населения Скифии.

Список литературы: 1. Барцева Т. Б. О цветной металлообработке на территории Северного Кавказа в раннем железном веке. — СА, 1974, № 1, с. 27—46. 2. Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981. 126 с. 3. Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного левобережья. К., 1968. 203 с. 4. Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии. — МИА, 1956, № 50, с. 154—189. 5. Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Раскопки курганов в с. Ковалевка. — В кн.: Курганы на Южном Буге. К., 1978, с. 7—132. 6. Ольговский С. Я. Цветная металлообработка в греческих городах Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 24 с. 7. Ольговский С. Я. Цветной металл с Березани. — СА, 1980, № 4, с. 190—201. 8. Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. — САИ, вып. Д1—4, М., 1967. 179 с. 9. Черных Е. Н., Барцева Т. Б. Исследования металлического инвентаря из материалов Воронежской экспедиции. — МИА, 1969, № 151, с. 137—142. 10. Шкурко А. И. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 90—105. 11. Шрамко Б. А. К вопросу о зна-

чении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии.—В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 92—102. 12. Šramko B. A. Zur Frage über die Technik und die Bearbeitungszentner von Buntmetallen in der Früheisenzeit. — Simposien zu Problemen der jüngeren Hallstattzeit in Mitteleuropa, Bratislava, 1974, S. 469—485.

Поступила в редколлегию 03.10.83.

В. И. КАДЕЕВ, д-р ист. наук,
С. Б. СОРОЧАН, канд. ист. наук

ЕГИПЕТСКИЕ И СИРИЙСКИЕ СВЕТИЛЬНИКИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э. ИЗ ХЕРСОНЕСА

В фондах Херсонесского историко-археологического музея имеются две группы привозных светильников, которые до настоящего времени не были предметом специального изучения. Между тем эти светильники позволяют дополнить научные представления о составе херсонесского импорта и торговых партнеров города. Задачей данной работы является выделение, описание, систематизация и датировка светильников, поступавших в Херсонес, как мы попытаемся доказать, из Египта и Сирии в I—IV вв. н. э.

Критериями выделения египетских светильников служат: типично египетский характер сюжетов их орнаментации, цвет глины (серо-желтый или розовато-коричневый с грязным оттенком); покрытие большинства изделий красно-бурым, тусклым, иногда почти черным лаком.

Светильников I—II вв. н. э. с египетскими сюжетами в Херсонесе известно немного. Определенно можно говорить о египетском происхождении светильника с изображением на щитке головы Зевса-Аммона [1, с. 51, № 352; 4, с. 114, 132, рис. 21]. В работе М. М. Кобылиной этот светильник датируется противоречиво: в одном случае — не ранее II в. н. э. [4, с. 114], в других — I в. н. э. [4, с. 132, 155]; допущена также неточность в описании рожка светильника. Он имеет четко очерченный, но глубоко посаженный сердцевидный рожок, однако плечи его, украшенные двойными овами, слишком узки для изделия II в. н. э. Очевидно, его следует отнести к последней трети I в. н. э.

Имеющееся на других светильниках изображение бюста Сераписа с модиусом на голове [ГХМ, инв. № 1584; 4, с. 126—127, рис. 9] также указывает на Египет как место их изготовления. Вероятно, можно говорить об Александрии, где во II в. н. э. был восстановлен Серапеум, украшенный изображением бога, восседающего на троне [7, р. 233; 11, р. 138]. В пользу египетского происхождения говорят техника исполнения и форма тулова, приближающаяся к яйцевидной. Хотя гладкие плечи изделия представляют, скорее, исключение для продукции египетских мастерских, короткий округлый рожок является наиболее рас-